

ТЕОДОРА
ГОСС

ЕВРОПЕЙСКОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
ЛЕДИ-МОНСТРОВ

Необычайные приключения
клуба «Афина»

Теодора Госс
Европейское путешествие
леди-монстров
Серия «Очень странный детектив»
Серия «Очень странный детектив»

*Текст предоставлен правообладателем
<https://litres.ru/50371712>*

*Т. Госс. Европейское путешествие леди-монстров: ООО
«Издательство АСТ»; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-115678-7*

Аннотация

Оказав помощь Шерлоку Холмсу и доктору Ватсону в раскрытии убийств в Уайтчепеле, Мэри Джекилл ведет мирную жизнь в Лондоне в компании своих необычных подруг – Беатриче Раппаччини, Кэтрин Моро, Жюстины Франкенштейн и Дианы Хайд, сестры Мэри. И конечно, все они могут в любой момент рассчитывать на миссис Пул – бессменную экономку дома.

Однако спокойствие нарушает телеграмма, сообщающая о похищении Люсинды Ван Хельсинг. Где же девушка и что с нею сделал ее отец, профессор Ван Хельсинг?

В попытке найти ответы на эти вопросы члены клуба «Афина» предпринимают безумный вояж из Парижа в Вену, а затем и в

Будапешт. На этом пути их ждут новые союзники, старые враги и, наконец, встреча с тайным «Обществом алхимиков»...</p></div>

Содержание

Том I. Лондон – Вена	6
Глава I. Телеграмма из Будапешта	6
Глава II. Встреча в Перфлите	41
Глава III. Ежедневник доктора Сьюарда	79
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Теодора Госс

Европейское путешествие леди-монстров

Theodora Goss

European Travel for the Monstrous Gentlewoman

© 2018 by Theodora Goss

© О. Полей, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Всем девушкам-монстрам.

Пусть они завоюют мир.

На краю света их ждали чудовища...

Кэтрин: – Мэри, и ты даже ничего не возразишь?

Мэри: – А когда мои возражения к чему-то приводили? Когда дело касается твоих книг, ты обычно все делаешь по-своему.

Кэтрин: – Не всегда!

Мэри: – Во всяком случае, Будапешт – никакой не край света.

Том I. Лондон – Вена

Глава I. Телеграмма из Будапешта

Люсинда Ван Хельсинг выглянула в окно. За ней уже идут, идут, она знала это. Девушка нервно расхаживала по ковру, потирая руки и время от времени прикрывая ладонью рот. Она чувствовала, какие острые у нее зубы – как будто уже и не ее. Вчера даже губу прикусила нечаянно.

Прозвонили часы на каминной полке. Скоро уже время послеобеденного кофе. Хельга принесет его, как обычно, и она, Люсинда, будет сидеть и смотреть на кофейник, на маленькие пирожные разных сортов. Есть она больше не могла. Уже три дня ничего не ела.

Так-так... а это что такое – вон там, за липой, у кустов бирючины? Что-то черное мелькнуло. В последние дни Люсинда не раз видела, как они прячутся в засаде. Фрау Мюллер, экономка, говорила, что никого тут нет, но она-то знает – она их чувствует. Да, они идут за ней. Скоро она окажется там, где ее уже никто не отыщет, и никто никогда не узнает, что с ней случилось.

Через пять минут, когда горничная Хельга вошла в комнату, она была пуста. Упавший стул валялся на полу, а в остальном гостиная выглядела как всегда. Только Люсинда исчез-

ла.

Диана: – А по-моему, не стоит начинать с Люсинды. С нас нужно начинать.

Кэтрин: – С какой это стати ты мне указываешь, как писать?

Жюстина: – По-моему, она права, Кэтрин. Прости, я понимаю, ты автор, но мне кажется, Диана права. Начинать нужно с нас.

Кэтрин: – Ну ладно. Как хотите.

Собрание клуба «Афина» было открыто, и все члены были в сборе.

Окна в гостиной открыли, чтобы впустить свежий утренний воздух. Стоял конец лета, и – редчайшее чудо – в Лондоне было тепло. Беатрис сидела в одном из кресел у окна, с наслаждением купаясь в солнечных лучах, словно ядовитый цветок.

– Такая погода напоминает мне Италию! – сказала она. Не знаю уж, что у Лондона может быть общего с Италией.

Мэри с Дианой сидели рядом на диване, хотя официально были в ссоре. Вчера Диана срезала портновскими ножницами все перья с любимой шляпки Мэри.

– Почему вы меня с собой не берете? – спросила она тоном маленькой капризницы.

– Во-первых, я тебе не доверяю, – невозмутимо прого-

ворила Мэри. Наша Мэри всегда невозмутима. И шляпку она уже починила. – А во-вторых, ты моя сестра, и я хочу, чтобы ты оставалась здесь, где тебе не будет грозить опасность. Я еду, потому что одна из всех знакома с мисс Мюррей. Жюстина едет, потому что она говорит по-французски и по-немецки.

– Но по-немецки – только совсем немножко, – вставила Жюстина.

– А Кэтрин едет, потому что всегда полезно иметь при себе кого-то, кто умеет кусаться.

– Я тоже умею кусаться! – Диана оскалила зубы, словно намереваясь продемонстрировать это на деле.

– А в-третьих, тебе нужно думать об учебе. Ты ведь даже не знаешь, где Вена находится, как же ты поедешь?

Диана: – Никакая я не капризница! Что это вообще за слово такое? По-моему, ты сама его выдумала. Писателям так можно, да?

Мэри: – А я еще какая возмутимая! Тебя послушать, Кэтрин, так я какой-то Шерлок Холмс в юбке, а на самом деле ничего подобного, благодарю покорно.

Диана: – А неплохое сравнение вообще-то. Ты такая же невыносимая, как и он.

Жюстина сидела на ковре. В наших креслах, по ее словам, она чувствовала, будто вся сжимается, как какой-нибудь ак-

кордеон. А Кэтрин, она же автор, стояла у камина, прислонившись к нему спиной, и выглядела весьма изящно в мужском костюме.

Мэри: – Ну, если она сама так считает...

В этот день Кэтрин собиралась отправиться в Перфлит и встретиться с Джо Эбернейти. Она навещала его регулярно, раз в две недели, чтобы узнать, нет ли у него каких-либо сведений о деятельности Общества алхимиков или о подозрительном директоре Перфлитской лечебницы, докторе Сьюарде. После недавних приключений наши героини договорились с Джо, что он будет для них шпионить. А если эти героини будут без конца меня перебивать, мы так никогда и не доберемся до начала нашей истории.

Возможно, мои читатели помнят прошлые приключения клуба «Афина» и то, как Мэри Джекилл узнала о существовании своей сестры, Дианы Хайд, и о тайном обществе, к которому принадлежал их отец: *Société des Alchimistes*. Некоторые члены этого общества проводили эксперименты по трансмутации, как они это называли. Эти эксперименты, включавшие в себя самые разнообразные трансформации, ставились на девочках и девушках, так как у них, по утверждению доктора Моро, наиболее пластичный мозг. Если бы вы заглянули в тот день к нам в гостиную, то могли бы воочию увидеть результаты.

Беатриче Раппаччини, в одном из своих бесформенных свободных платьев, по ее мнению, наиболее полезных для женского здоровья, сидела, наклонившись вперед, с керамической кружкой в руке. Окна были открыты не только для того, чтобы впускать свежий воздух, но и для того, чтобы выпускать ядовитые флюиды, которые девушка невольно источала. В детстве ей пришлось ухаживать за ядовитыми растениями, выведенными ее отцом, доктором Раппаччини, и в конце концов их яд впитался в ее плоть и кровь. Если стоять к Беатриче слишком близко, то закружится голова, а от ее прикосновения остаются ожоги.

Беатриче: – Ты уж слишком драматическими красками меня расписываешь, Кэтрин!

Кэтрин: – Ну так ты и сама у нас драматическая – длинные черные волосы, чистая оливковая кожа, выдающая в тебе дочь солнечного юга – Италии, родины поэтов и разбойников. Из тебя вышла бы превосходная романтическая героиня, если бы ты не сопротивлялась этому так рьяно.

Беатриче: – Нет у меня ни малейшего желания быть романтической героиней.

Мэри: – Разбойников? Seriously, Кэт, сейчас ведь не восемнадцатый век. Нынешняя Италия – вполне цивилизованная страна.

Беатриче сделала маленький глоток ядовито-зеленой тины, которую она называла завтраком. От нее пахло водой из Темзы. Благодаря своему уникальному организму Беатриче не нуждалась в еде. Она питалась солнечным светом и водой с добавлением органических веществ. Другими словами, супом из сорняков.

Мэри Джекилл успела позавтракать раньше. Она была уже одета в прогулочный костюм: после нашего собрания она собиралась идти пешком через Риджентс-парк на Бейкер-стрит, 221Б. Девушка работала у знаменитого и несносного Шерлока Холмса чем-то вроде ассистента, секретаря и личной помощницы, не получая за свои труды должного признания, хотя сама и утверждала, что два фунта в неделю – вполне достаточное вознаграждение.

Диана, которая еще не завтракала, сидела рядом, развалившись на диване, растрепанная, как всегда. Ее вытащили из постели перед самым собранием, и она была все еще в ночной рубашке, поверх которой была накинута индийская шаль. Она что-то шептала Альфе, одной из наших двух котят, которой, по мнению миссис Пул, вообще не место было на диване в гостиной. И, однако, она сидела тут же, уютно примостившись в уголке Дианиной шали. Трудно было признать сестер в Мэри, с ее аккуратно уложенными и заколотыми шпильками на затылке волосами, и Диане, с ее веснушчатым лицом и копной рыжих кудрей, унаследованных от матери-ирландки. И, однако, они были сестрами, рожден-

ными от одного отца, только в разных фазах его существования: Мэри была дочерью уважаемого химика, доктора Джекилла, а Диана – дочерью омерзительного мистера Хайда, убийцы, скрывавшегося от закона.

Диана: – Эй! Ты все-таки про моего отца говоришь.

У камина, как я уже упомянула, стояла Кэтрин Моро, созданная доктором Моро из пумы на острове в южных морях, где, в результате долгого мучительного процесса вивисекции, он превращал зверей в людей. В ней было что-то нездешнее: желтые глаза, едва заметные следы шрамов на смуглой коже. В своем уважаемом костюме она по виду не отличалась от цивилизованного англичанина, однако в любой момент могла обнажить белоснежные клыки и впиться в горло кому угодно.

Мэри: – Ой, ради бога. Неужели все писатели так любят романтизировать самих себя?

И, наконец, на ковре у ее ног сидела Жюстина Франкенштейн, уже одетая в рабочую блузу. Ростом выше почти любого мужчины, бледнокожая и светловолосая, как та шведская девушка, из которой ее создал Виктор Франкенштейн (после того как ее повесили за убийство, которого она не совершала), Жюстина была самой тихой из нас, самой мягкой и

нежной, хотя ей ничего не стоило в одиночку поднять тележку уличного торговца. На носу у нее было пятнышко краски.

Жюстина: – Правда?

Кэтрин: – Не помню, но так описание выходит живее. А вообще-то, скорее всего, правда. Обычно так и есть.

– И к тому же я знаю, где Вена, – ответила Диана на вопрос Мэри.

В этот момент Элис просунула голову в дверь:

– Можно уже убирать тарелки после завтрака, мисс?

Вопрос был обращен к Мэри. Хотя мы и жили на Парк-Террейс, 11, все вместе, она оставалась общепризнанной хозяйкой дома.

– Да, конечно, – сказала Мэри. – Ты же знаешь – если хочешь, ты всегда можешь выставить нас из комнаты – или сесть и позавтракать с нами.

Как бы не так! Невзирая на свою роль в недавних приключениях, Элис всегда настаивала: она всего лишь судомойка. «Не хочу я участвовать в ваших расследованиях этого Общества алхимии или как его там, меня и так уже чуть было не убили в прошлый раз, благодарю покорно».

Вот и теперь она тихо, как мышка, шмыгнула за дверь.

– Ничего, что я не еду в Вену, а остаюсь в Лондоне? – спросила Беатриче. – Я ведь могла бы вам там пригодиться,

я знаю.

– Конечно, могла бы. – Мэри встала и разгладила складки на юбке. – Но ты нужна нам здесь: кто-то должен охранять Элис и миссис Пул и следить, чтобы Диана не натворила каких-нибудь глупостей. А если вздумаешь, – она перевела взгляд на сестру, – Беатриче тебя отравит. Имей в виду!

– Я еще даже не завтракала, а ты сказала Элис, что можно убирать со стола, – сказала Диана.

– Сама виновата – столько времени провалялась в постели. Попроси чего-нибудь у миссис Пул, только смотри, чтобы она не увидела, что ты притащила сюда Альфу. И оденься уже, бога ради!

Диана двинула Мэри ногой по лодыжке, но не сильно, почти любя. Если бы Диана хотела лягнуть всерьез, было бы больно по-настоящему.

Диана: – Еще бы!

– Что ж, думаю, пора тебе рассказать об этом мистеру Холмсу, – сказала Кэтрин. – Мы уже рассчитали, во что обойдется эта поездка, решили, кто поедет, знаем маршрут поездов. Пора ехать, и как можно скорее.

– Знаю, – сказала Мэри. – Я собираюсь сказать ему сегодня. Может быть, он нам что-нибудь посоветует по поводу того, как спасти Люсинду Ван Хельсинг. Да и в любом случае мне ведь нужно попросить у него отпуск. Мы даже не знаем,

как долго там пробудем.

А теперь, думаю, самое время перейти к более традиционной форме повествования – с одним центральным персонажем для каждой истории. Однако истории о монстрах никогда не бывают полностью традиционными. И к тому же девятнадцатый век идет к концу. Я считаю, что новое столетие принесет с собой новые литературные формы, новые пути исследования мира...

Мэри: – Не думаю, что наших читателей увлечет лекция о модернизме!

Кэтрин: – Пожалуй, ты права.

Мэри вновь разгладила юбку, хотя Дианин пинок почти не нарушил порядок в ее одежде, а затем наклонилась и поцеловала сестру в макушку – быстро, чтобы не получить тумака.

– Ладно, я пошла, – сказала она. – Будь осторожнее в Перфлите, Кэт.

– Я возьму с собой Чарли, – сказала Кэтрин. – Хочу, чтобы он еще раз осмотрел все вокруг лечебницы – не обнаружится ли чего-нибудь подозрительного. Уже почти три месяца ничего не слышно – отчего это Общество так затаилось? Чем заняты доктор Сьюард и профессор Ван Хельсинг?

Мэри покачала головой. Она тоже не понимала, что происходит.

В передней ждала миссис Пул с вещами Мэри: шляпой, перчатками и сумочкой, висевшей на руке. Девушка в который уже раз подумала – и что бы она только делала без миссис Пул? Всю жизнь, сколько Мэри себя помнила, экономка была рядом: в детстве выступала в роли кормилицы и няни, чуть позже учила отдавать распоряжения слугам, вести домовые счета, ухаживать за матерью, когда миссис Джекилл стала постепенно терять рассудок. Миссис Пул была нерушимой скалой, на которую Мэри всегда могла опереться в трудные времена.

Миссис Пул: – Да бог с вами. Уж кто-кто, а мисс Мэри и сама способна позаботиться о себе.

Мэри: – Кэтрин, конечно, склонна преувеличивать – ну, знаете, привирать для эффекта, – но вот это как раз чистейшая и непреложная правда. Я и правда не знаю, что бы я делала без вас, миссис Пул.

– Замечательно у вас получилось, мисс, – проговорила экономка, разглядывая шляпку. – Почти незаметно, что этот чертенок остриг перья.

– Ну, если говорить откровенно, то, по-моему, без них даже лучше, да и черная лента мне нравится, – сказала Мэри. – Создает контраст с серым фетром. Может быть, теперь Беатриче прекратит свои бесконечные речи о том, что популяция птиц уничтожается ради дамского кокетства.

Девушка удовлетворенно оглядела шляпку: она и в самом деле недурно справилась и сэкономила несколько шиллингов. Но тут же Мэри обеспокоенно нахмурилась:

– А вы поладите тут с Дианой, пока я буду за границей? Знаете, всегда можно припугнуть ее Беатриче.

– О, с Дианой я справлюсь, не беспокойтесь, – сказала миссис Пул и подала Мэри обновленный головной убор.

Да, теперь шляпка нравилась Мэри больше: простая, в современном стиле. Девушка взглянула на себя в зеркало: бледное лицо, самые обычные темные волосы, аккуратно собранные назад, самые обычные серые глаза, серьезные, как всегда, – в общем, лицо не то чтобы некрасивое, но ничем не примечательное. Она надела шляпку, а затем черные перчатки, протянутые миссис Пул.

– Я похожа на гувернантку, – сказала Мэри, почти про себя.

– Вы похожи на настоящую леди, – одобрительно сказала миссис Пул и протянула сумочку. – Если вы не возражаете, мисс, я положила сюда рецепт для миссис Хадсон, вместе с этим конвертом. Она спрашивала про мое варенье из айвы, и я обещала ей рецепт – мне его матушка привезла, из Йоркшира, когда миссис Джекилл еще в невестах ходила. Вот я и записала для нее.

– Ну конечно, миссис Пул, – сказала Мэри. – Я вернусь домой к чаю, и Кэт, надеюсь, тоже.

Она заглянула в сумочку: да, вот оно, письмо Люсинды

Ван Хельсинг, рядом с рецептом миссис Пул.

– К чаю будут бутерброды с маслом и ветчиной, мисс. Сегодня ведь стирка, – сказала миссис Пул. – Надеюсь, этого будет достаточно.

– Это будет очень мило, спасибо.

Мэри проверила, взяла ли она ключ, – привычка, шокирующая миссис Пул, но насколько же проще, когда у всех есть свои ключи от дома! Затем она повесила сумочку на руку и вышла на солнечную Парк-Террейс.

На двери, над звонком, висела небольшая медная табличка: «Клуб “Афина”». Мэри задержалась на минутку, чтобы оттереть пальцем в перчатке пятнышко на меди. Неужели всего три месяца прошло со смерти матери и с тех пор, как она нашла Диану, Беатриче, Кэтрин и Жюстину?

Она повернула налево и двинулась вдоль Парк-Террейс. Какой тихий и мирный вид у этих старых кирпичных домов! Еще три месяца назад это была единственная часть Лондона, которую она знала по-настоящему. С тех пор она побывала и в Уайтчепеле, и в Бэттерси-парке, и в лондонских доках. Она видела такое, что у почтенной миссис Пул кровь застыла бы в жилах.

Может быть, лучше пойти по Мэрилебон-роуд? Но ноги уже сами несли ее по привычному пути: через Риджентс-парк – сюда миссис Пул водила ее играть в детстве и здесь она потом гуляла со своей гувернанткой, мисс Мюррей, повторяя на ходу даты правления английских королей.

Парк был постоянной частью ее жизни. Даже в те дни, когда маме было совсем плохо, когда сиделка Адамс все время ворчала, горничная Энид хлюпала носом, а сама Мэри не решалась выйти из дома, потому что у мамы в любой момент мог снова начаться приступ, – все-таки можно было хотя бы смотреть, как раскачиваются на ветру зеленые верхушки деревьев над крышами Парк-Террейс. Теперь она шагала по дорожкам под этими деревьями и вспоминала тот день, три месяца назад, когда впервые проделала этот путь – от Парк-Террейс, 11, до Бейкер-стрит, 221Б.

Тогда, как и сейчас, она несла с собой важные документы. Три месяца назад это были документы, доставшиеся ей после смерти матери – лабораторный журнал отца, его письма, счета и расходная книга, где значились выплаты в графе «Хайд, расходы на содержание». Она была уверена, что эти данные приведут ее к печально знаменитому мистеру Хайду, бывшему ассистенту отца, находившемуся в розыске за убийство сэра Денверса Кэрю, члена парламента и известного сторонника движения за самоуправление Ирландии. Но нет: они привели к Диане, дочери Хайда, которая воспитывалась в Обществе святой Марии Магдалины – приюте для «магдалин», то есть падших женщин, пытающихся очиститься от скверны и пороков Лондона. Такие женщины заслуживают гораздо лучшей доли, чем тот позор, которым их клеймят в обществе и в кулуарах власти! Нет, Мэри, я не превращаю книгу в политический трактат. Но ты и сама прекрасно

знаешь, как относятся к таким женщинам, как мать Дианы. И помнишь тех несчастных, убийства которых мы раскрыли, но жизни не смогли спасти. Вспомни, как Молли Кин лежала на асфальте, головой в луже крови... Этот образ до сих пор преследовал Мэри по ночам.

Беатриче: – Правда?

Мэри: – Да. Она и сейчас еще снится мне в кошмарах.

Из бумаг отца стало ясно, что всеми уважаемый доктор Джекилл сам и был Хайдом, а его химические эксперименты преследовали тайную и зловещую цель. Он был членом Société des Alchimistes – тайного общества, приверженцы которого продолжали исследования средневековых алхимиков по трансмутации материи. Только в девятнадцатом веке они пытались превращать уже не простой металл в золото, а живую плоть... во что? Поиски ответа привели Мэри к Беатриче, выставленной в Королевском колледже хирургов в качестве научного чуда, «ядовитой девицы». Беатриче и рассказала им с Дианой об Обществе алхимиков и об экспериментах над молодыми женщинами, которые проводили некоторые из его членов – доктор Раппаччини и доктор Моро. Затем она привела их к Кэтрин и Жюстине – они работали в балагане «Волшебного цирка чудес» Лоренцо в Бэттерси-парке.

Тут Мэри остановилась, чтобы потрогать розу, все еще цветущую, хотя стоял уже конец августа. Она наклонилась вдохнуть аромат, но оказалось, что это какой-то новый гибрид, лишенный запаха обычной розы. Неудивительно, что она цветет в конце лета. Мэри поспешно отдернула голову: в середине цветка сидел черный жук. Он уже объел несколько лепестков, а сердцевину цветка совсем изгрыз. Как жизнь может быть такой прекрасной и в то же время скрывать в себе такое зло? Она не знала ответа. Риджентс-парк мирно грелся под солнцем, но там, в самом Лондоне, ужасов хватило бы на сколько угодно дешевых бульварных книжонок.

Она была благодарна мистеру Холмсу и доктору Ватсону за то, что те помогли ей и ее подругам, – а члены клуба «Афина», в свою очередь, помогли знаменитому детективу раскрыть убийства в Уайтчепеле. Несколько падших женщин были убиты в том районе, и у каждой не хватало какой-то из частей тела: ног, рук, головы. Цепочка доказательств привела их к логическому выводу, что Хайд жив и причастен к убийствам и что он действует по указке этого чудовища – Адама. Мэри содрогнулась, вспомнив о первом создании Виктора Франкенштейна – монстре, который полюбил Жюстину такой жестокой, извращенной любовью, что пытался воссоздать ее из частей тел других женщин, а затем заменить ее мозг тем, который мог бы полюбить его в ответ. Какое облегчение, что он нашел свою смерть в огне!

Зато Хайд (она никак не могла признать его своим отцом)

бежал, ни много ни мало, из Ньюгейтской тюрьмы, и миссис Рэймонд, продажная директриса Общества Магдалины, тоже сумела ускользнуть от закона. Эти приключения, а также многие другие, подробно изложены в книге «Странная история дочери алхимика» – первой в серии приключений клуба «Афина», которую можно приобрести у любого хорошего книготорговца всего за два шиллинга.

Мэри: – Это довольно ловкий ход с твоей стороны – вставить в текст рекламу. Но ты не упомянула о мистере Прендике, который тоже работал на Адама и создавал зверолодей.

Кэтрин: – Не хочу о нем думать.

И вот она снова идет по Бейкер-стрит, и в ушах у нее звенит от криков уличных торговцев: «Лук! Чудесный лук! – Яблоки! Полпенни кучка! Яблоки! – Ботинки старые, чиненные, совсем как новенькие!» И вновь ей нужен совет мистера Холмса.

Она перешла Бейкер-стрит и позвонила в дверь под номером 221Б. Дверь распахнулась почти сразу же – за ней стояла миссис Хадсон.

– А, мисс Джекилл, доброе утро! Входите же. Они сегодня что-то необычно тихо сидят, значит, работают над чем-то, – правда, одному Богу известно, над чем.

– Благодарю вас, миссис Хадсон, – сказала Мэри. – Мис-

сис Пул передает вам привет и рецепт джема из айвы, который, как мне было сказано, составляет государственную тайну. – Она достала из сумочки рецепт... ах, нет, это же письмо. А за письмом... ну да, вот он – сложенный вдвое листочек бумаги, исписанный почерком миссис Пул. Она протянула рецепт миссис Хадсон. – А теперь, если позволите... – Обычно она любила обмениваться любезностями с миссис Хадсон, но в это утро ей было некогда.

– А как поживает Элис? Я связала ей пару чулок, если вы будете так любезны передать ей, мисс...

– Ну конечно, миссис Хадсон! Я их позже у вас заберу! – Мэри торопливо поднялась по лестнице на второй этаж.

Она постучала в дверь квартиры и вошла. В рабочие дни по утрам дверь всегда оставляли незапертой, чтобы она могла войти, даже если Холмса с Ватсоном не будет дома. Обычно в это время они заканчивали свой завтрак, но изредка случалось так, что они уходили расследовать какое-нибудь дело мистера Холмса. В некоторых из этих расследований она тоже принимала участие – не так часто, как хотелось бы, и Ватсон не упоминал ее имени ни в одном из своих рассказов, лишь изредка – как некую безымянную «леди». Леди, чье случайное замечание напомнило Холмсу о забытой улике (Ватсон умолчал о том, что в это время она держала на мушке баронета, который и оказался убийцей), или та, что столкнулась с удирающим клерком в самый подходящий момент (в действительности столкновение было, разумеет-

ся, намеренным). Ее это не обижало... почти. Что подумала бы миссис Пул, если бы она стала персонажем «Рассказов о Шерлоке Холмсе» в «Стрэнде»?

Миссис Пул: – Да уж! Ваша бедная матушка в гробу перевернулась бы. Правду сказать, и книжки мисс Моро ничем не лучше. Ладно еще шататься по Европе, но писать об этом... Не дело это для настоящих леди, вот что я вам скажу.

Беатриче: – Как и агитация за право голосовать, миссис Пул, однако же вы пошли со мной на митинг суфражисток, и вас там даже чуть не арестовали.

Миссис Пул: – Ну так что ж – мужчины управляют этой страной последнюю тысячу лет, и к чему это привело? Пора бы и женщинам сказать свое слово.

Гостиная выглядела почти как всегда – организованный беспорядок, еще лучше организованный с тех пор, как она взяла на себя хранение записей о делах мистера Холмса, заметок для его монографий, досье знаменитых преступлений... Полки были забиты книгами, а те, что не уместились, громоздились на полу. В одном конце комнаты стоял длинный стол, заставленный инструментами для научной работы, которые Холмс использовал в своих расследованиях, включая бунзеновскую горелку и микроскоп. На полках за столом стояли банки для хранения препаратов, а в них плавали ча-

сти человеческих тел – в основном уши. У окна – фотоаппарат на треноге. В другом конце комнаты, на каминной полке, выстроились черепа различных биотипов, все человеческие, кроме последнего – тот принадлежал обезьяне. В это утро на нем красовался дирстокер мистера Холмса.

На софе лежал сам хозяин комнаты – мистер Шерлок Холмс – и курил трубку. Доктор Ватсон сидел в кресле и читал «Таймс».

– А, доброе утро, мисс Джекилл, – сказал Холмс. – Конец недели у нас выдался довольно беспокойным, и нам не хватало вашей помощи. Это было дело мистера Лидгейта, мясника из Хаунслоу – его обвинили в том, что он убил собственную дочь и разделал, как тушу на бойне. Ватсон сделал все возможное, но мне пригодилась бы женская рука, чтобы достать орудие убийства из водосточной трубы, куда его засунул убийца. Пришлось воспользоваться каминными щипцами, и все равно мы чуть было не упустили его в канализацию.

– И, разумеется, ваши догадки тожегодились бы, мисс Джекилл, – сказал Ватсон. – Могу вас заверить, мы ценим вас не только за маленький размер руки. Каминные щипцы ни в коей мере не могут вас заменить.

– Сегодня утром вы оба в превосходном настроении, – сказала Мэри. – Из чего я логически заключаю, по методу самого мистера Холмса, что вы раскрыли дело бедного мистера Лидгейта и передали убийцу в руки инспектора Лестрейда. Вероятно, перевязав его ленточкой, как рождествен-

ский подарок.

– Ха! Она нас вычислила, – сказал Холмс, садясь на диване, и улыбнулся, что с ним случалось нечасто. Мэри уже давно сказала им, что не нужно вставать, когда она входит в комнату – ведь не встают же они, когда приходит Чарли или другие мальчишки с Бейкер-стрит. Она не сможет работать у них, если они будут без конца подсакивать, как яблоки в корзинке. – Да, мы перевязали его красной ленточкой и собственноручно отвезли в Скотланд-Ярд. И это был не Лидгейт, как вы наверняка догадались, а его преподобие, местный священник, который совершенно помешался к тому времени, как мы до него добрались: твердил, что его долг – отделять овец от козлищ, и бедная Амелия Лидгейт была козлищем, готовым для заклания. Очевидно, он застал ее с одним из своих викариев в компрометирующем положении и решил, что небеса избрали его орудием Всевышнего. Не сомневаюсь, что он совершил бы и новое преступление: магия уже владела им безраздельно.

– Его наверняка отправят в Бродмур, – сказал Ватсон.

– Но сейчас у нас нет никаких срочных дел. Кое-что есть... но нет, пока не стоит даже обсуждения. Значит, сегодня мы можем поработать над исследованием ушей, которое я надеюсь представить на собрании Антропологического института. Уши, как вы знаете, моя особая страсть.

– И в самом деле, как можно не проникнуться страстью к ушам? – сказала Мэри, стараясь не улыбаться. Она не была

до конца уверена, шутка это или нет, – он очень редко шутил. Теперь самое время показать ему письмо и попросить совета... и отпуска. Ведь до отъезда в Вену осталось немногим больше недели.

– В чем дело, мисс Джекилл? Выкладывайте. Вы что-то хотели сказать.

Холмс выжидательно глядел на нее. Ее всегда немножко тревожило, что он словно видит ее насквозь. Может, выражение лица ее выдает?

– И сядьте же, – добавил Ватсон. – Погодите, дайте я уберу отсюда эту стопку книг. Вы еще даже шляпку не сняли, а Холмс уже сел на своего любимого конька.

Мэри сняла шляпку и надела на череп на каминной полке – на тот, что представлял собой высший интеллектуальный тип. Перчатки положила на полку, сумочку поставила рядом, предварительно достав из нее конверт с письмом Люсинды Ван Хельсинг.

Затем она села в кресло, которое освободил для нее Ватсон, и не знала, с чего же начать. Конечно же, мистер Холмс заметил, что сегодня что-то изменилось – обычно она снимала жакет и сразу же принималась за работу. С чего начать? С начала, как сказал Король Червей Алисе в Стране чудес.

Холмс бросил на нее острый, пронизательный взгляд – словно ястреб, приметивший добычу.

Диана: – Ой, ради бога!

Беатриче: – Но у него и правда такой взгляд. Это довольно пугающе, если не знать, какой он добрый и благородный человек.

Диана: – Когда ни в кого не стреляет.

– Когда я была маленькой, – начала она, – у меня была гувернантка, мисс Вильгельмина Мюррей. Она появилась в доме вскоре после смерти моего отца, а уехала незадолго до того, как мне исполнилось четырнадцать. Когда болезнь матери начала прогрессировать, и ей нужна была постоянная сиделка, я больше не могла позволить себе гувернантку, а мисс Мюррей между тем предложили место в престижной школе для девочек на севере, и я убедила ее принять это предложение. Когда она уехала, мы стали переписываться, и я всегда считала ее своим другом.

Мисс Мюррей была ее единственным интеллектуальным собеседником, единственным человеком, который по-настоящему поддерживал ее в стремлении развивать свои умственные способности: она предлагала ей книги для чтения, рассказывала о мире, лежащем за порогом дома. Кем бы она была сейчас, если бы не миссис Мюррей? Уж конечно, не той Мэри Джекилл, какой она стала.

– После событий прошлого лета, когда мы раскрыли череду уайтчепелских убийств, и в доме поселились другие девушки, и мы организовали клуб «Афина», – я написала ей. Рассказала обо всем. Мое письмо дошло до нее нескоро: она

уже не работала в той школе и даже жила не в Англии. Письмо нашло ее в Вене, по причинам, которые она не захотела объяснять. Но к ее письму было приложено вот это. – Она поднесла к глазам лист бумаги, исписанный тонким почерком иностранки, и стала читать вслух:

«Дорогая мисс Джекилл,

наша общая подруга мисс Мюррей рассказала мне о вас и о клубе «Афина». Вы меня не знаете, так что с моей стороны это огромная вольность – вот так запросто обращаться к вам за помощью в отчаянном положении. Я – дочь профессора Ван Хельсинга, доктора и ученого, связанного с рядом крупных университетов как в Англии, так и на континенте. Также мой отец – один из самых видных членов некоего научного общества под названием Soci t  des Alchimistes. Мисс Мюррей заверила меня, что вы знаете об этом обществе, что члены вашего клуба хорошо осведомлены о его деятельности. Итак, дело в том, что я, вопреки моей воле и порой без моего ведома, стала объектом определенного рода экспериментов моего отца. В результате этих опытов я... стала меняться. И мне страшно. Единственный человек на свете, который мог бы меня защитить, – моя мать – сейчас содержится в закрытой лечебнице для умалишенных. Я еще несовершеннолетняя, у меня нет собственных денег или друзей, к которым я бы могла обратиться за помощью. Я не знаю, что мне делать. Пожалуйста, если можете, помо-

гите мне. Умоляю вас.

Люсинда Ван Хельсинг

Вена, Австрия».

Закончив читать, Мэри подняла взгляд и посмотрела на Холмса, а затем на Ватсона. У Холмса сузились глаза, ладони были сложены вместе под подбородком, трубка лежала на столе рядом с ночной тубфлей, служившей ему пепельницей. Трубка еще дымилась – значит, на столе останется еще одно паленое пятно, и миссис Хадсон опять будет укоризненно качать головой. Ватсон глядел на Мэри изумленно и растерянно.

– Боже мой, мисс Джекилл! Выходит, они снова взялись за свое. Это еще один из их отвратительных экспериментов. Но ведь, по последним сведениям, Ван Хельсинг жил в Амстердаме, где был университетским профессором, одновременно в юриспруденции и медицине. По крайней мере, это то, что нам удалось выяснить. Как же его дочь оказалась в Вене?

– Когда вы получили это письмо? – спросил Холмс.

– Чуть больше недели назад. Я не принесла его сразу, потому что нам нужно было сначала обсудить это между собой – ну, знаете, в клубе «Афина». Уверена, что вы понимаете, мистер Холмс. – На самом деле она была в этом далеко не уверена. Она внутренне готовилась к тому, что он будет недоволен.

Он нахмурился.

– Деятельность Société des Alchimistes интересует меня не меньше, чем вас, мисс Джекилл. Я желал бы, чтобы вы принесли мне это письмо сразу же, а не ждали больше недели, тем более что оно касается Ван Хельсинга, которого мы знаем как видного члена этого общества. Вам следовало принести письмо немедленно.

– Нет, мистер Холмс. – Она села еще прямее, если только это возможно (наша Мэри всегда сидит прямо). Она ждала такой отповеди, но он должен понять и принять тот факт, что она принимает решения сама. – Ваш интерес – интерес детектива: вы хотите защитить общество от новых преступлений. А у нас – то есть у клуба «Афина» – интерес личный. Люсинда Ван Хельсинг – одна из нас, и мы намерены ее спасти. Мы собираемся ехать в Вену – я сама планирую поехать, и Жюстина с Кэтрин отправятся со мной.

Краем глаза Мэри видела, как Ватсон поднял руку и открыл рот – кажется, он хочет что-то возразить?

– Доктор Ватсон, если вы хотите прочитать мне нотацию о том, что юные леди ни в коем случае не должны ехать в Вену, чтобы спасти такую же девушку, попавшую в беду, я напомню вам о той ночи, когда мы стояли у товарного склада лондонских доков, готовясь спасти Жюстину от Адама Франкенштейна. Думаю, мы проявили себя превосходно. Поэтому, пожалуйста, не трудитесь.

Ватсон со смущенным видом сгорбился в кресле. Может быть, она слишком резко на него набросилась?

– У меня нет намерения читать вам нотации, мисс Джекилл, – сказал Холмс. – Так вы позволите мне договорить?

Вид у него был... пожалуй, такой, будто все это кажется ему прежде всего забавным.

– Конечно, – сказала Мэри. По крайней мере, он, кажется, не сердится. Но ничего забавного в этой ситуации не было.

– Если бы я был свободен, я бы предложил сопровождать вас, мисс Моро и мисс Франкенштейн. Разумеется, с вашего позволения. – Он поклонился, однако эта демонстрация покорности не вызвала у Мэри доверия. С каких это пор он стал таким скромным? – Однако мне необходимо быть здесь. Есть одно дело – не связанное с Société des Alchimistes, то, о котором я упоминал ранее. Мне предложил им заняться мой брат, Майкрофт.

Брат? У Холмса есть брат? Мэри только теперь пришло в голову – у него ведь, конечно же, есть или были и мать, и отец – как у самых обыкновенных людей. А как же иначе – не из яйца же он вылупился, в конце концов!

Диана: – А может, и из яйца. Лично я бы несколько не удивилась!

Иногда так легко могло показаться, что он – что-то вроде ходячей говорящей машины. Не столько человек, сколько устройство для обработки информации.

– Я еще точно не знаю, в чем оно состоит, – продолжал

он, и Мэри поняла, что на миг потеряла нить разговора. Как непохоже на нее!

– Майкрофт не похож на меня – ни внешне, ни по своим склонностям. Он не мотается туда-сюда по свету, не напрашивается на неприятности, как выражается инспектор Лестрейд, не собирает сведения в среде преступных элементов. Нет, он словно паук в своей путине. Сведения приходят к нему сами, а он их хранит в тайне, зачастую лишь до той поры, когда придет время действовать. Причем он никогда не действует сам, только руками других – несколько раз бывало, что и моими. Если развернуть метафору – паук всегда чувствует, когда в паутину попадает какое-то насекомое. Вот это и есть то, о чем Майкрофт дал мне знать, – легкое подрагивание нити, не более. Но если мой брат просит меня не уезжать из Лондона, я всегда знаю, что предстоит нечто важное. И Ватсон тоже нужен мне здесь, особенно учитывая, что мне придется обходиться без вас... Кто-то из вас мне совершенно необходим. Поэтому нет, Ватсон, вам не придется осуществить ваше рыцарственное намерение сопровождать мисс Джекилл и других афинянок в Mitteleuropa¹, хотя я вижу, что оно написано у вас на лице. Может быть, вас немного утешит то, что мисс Раппаччини, по всей видимости, тоже остается здесь.

Ватсон, кажется, вновь собирался возразить, но Холмс продолжал:

¹ Центральную Европу (нем.).

– Однако, мисс Джекилл, я все же могу вам помочь. У меня есть для этого кое-какие возможности, даже в Вене.

– В самом деле? – Что же это за возможности у него там? Не может же нерегулярная команда Бейкер-стрит добраться до самой Австро-Венгерской империи.

Холмс поднялся и подошел к письменному столу со сдвижной крышкой, стоявшему у камина, – тому самому, за которым обычно работала Мэри. Он был всегда открыт, хотя часто ей приходилось расчищать его от стопок книг и бумаг, чтобы было где расположиться. Холмс нажал на декоративную планку между двумя ящиками, и она открылась, – Мэри и раньше подозревала, что это потайной ящик, но никогда не пыталась открыть его сама. Она была не из тех, кто сует нос в чужие потайные ящики, не то что некоторые...

Мэри: – Диана! Перестань лягаться! Я пишу роман, а ты перебиваешь мне ход мыслей. Холмс достал оттуда какую-то бумагу. Что это?

Какое-то время он стоял и молча смотрел на нее, а потом протянул Мэри. А, фотография. Мэри взяла ее за края. Это оказалось что-то вроде афишки, извещающей о театральных спектаклях.

Актриса в сценическом костюме, изображающая... наверное, кого-то из персонажей Шекспира? Королеву, судя по средневековому платью и короне. Корделия? Леди Макбет?

Она была очень красива.

– Кто это, мистер Холмс? – Меньше всего Мэри ожидала увидеть, что он хранит в потайном ящике женскую фотографию. Если только это не убийца какая-нибудь...

– В то время, когда я встретил ее, ее звали Ирен Адлер. Теперь она миссис Нортон. Я очень недолго знал ее в Лондоне, но потом, через много лет, она написала мне. Ее муж был прикомандирован к нашему посольству в Вене, и после его смерти она решила остаться там и не возвращаться в Англию. Говорила, что в Англии осталось слишком много горьких воспоминаний. У нас завязалась переписка, которую мы и поддерживали с тех пор, хотя писали друг другу нечасто. Но если я напишу ей и изложу вашу ситуацию, уверен, она вам поможет. Письмо должно дойти до нее к вашему приезду. У нее есть связи в местных артистических и интеллектуальных кругах.

Он взял у Мэри фотографию и снова стал рассматривать ее. Лицо у него было непроницаемое. Затем, коротко покачав головой (несомненный итог бессознательной работы мозга), вернул ее на место, в потайной ящик.

Что за тайна скрывается за этим? Что бы ни связывало его с этой женщиной, это не обычное деловое знакомство. Мэри никогда не видела его таким задумчивым, почти нерешительным. Он был непохож на себя. Даже Ватсон смотрел на него как-то странно.

– Благодарю вас, мистер Холмс. – Она толком не знала,

что и думать. – Мы собираемся ехать в начале будущей недели – постараемся уладить все дела как можно скорее, – а само путешествие займет еще две недели. Если вы дадите мне также ее адрес и рекомендательное письмо, я разыщу ее – в случае, если письмо не придет вовремя или затеряется. Я, конечно же, с благодарностью приму ее помощь.

Чем, интересно, актриса может ей помочь? Хотя теперь она, наверное, уже не актриса. Наверное, если ее муж служил в посольстве, у нее могут быть связи в правительстве или в университете, которые помогут им отыскать Люсинду Ван Хельсинг. В любом случае англичанка в Вене – это полезное знакомство. Жюстинин немецкий был лучше, чем она скромно полагала, но далеко не свободный.

– Верно я предполагаю, что мисс Моро сейчас в Перфлите?

Он уже снова стал самим собой – дело и только дело.

Мэри молча кивнула. Он и так прекрасно знал, где она. Он ведь сам предложил Кэтрин наносить регулярные визиты Джо Эбернейти, так как самого Холмса, Ватсона и Мэри слишком хорошо знали в Перфлите, тем более в лечебнице. И разве он не следит за клубом «Афина»? Кто-нибудь из мальчишек с Бейкер-стрит постоянно околачивается неподалеку от Парк-Террейс, 11. Мэри не всегда их и замечала, зато Кэтрин сразу чуяла по запаху. Утром она упомянула, что возьмет с собой Чарли. А тот наверняка послал Холмсу весточку о том, куда направляется.

– Значит, когда она вернется, вы, вероятно, можете устроить собрание, и, если будете так добры, включите в число присутствующих и нас с Ватсоном. Мне очень интересно послушать, что там замышляет доктор Сьюард – прежде всего, не собирается ли он в ближайшее время в путешествие на континент. Если Ван Хельсинг ставит эксперименты над своей дочерью, то, подозреваю, Сьюард так или иначе в этом замешан. Возможно, вы помните, что Ван Хельсинг писал Сьюарду о том, как продвигается его эксперимент, – может быть, речь шла именно об этом? Кроме того, мы можем обсудить детали вашего путешествия.

Она знала, что так и будет, – стоит только рассказать ему о Люсинде Ван Хельсинг, как он тут же начнет распоряжаться. Если быть честной перед собой, а она обычно старалась быть честной, то следовало признать – это и была одна из причин, по которым она не показывала ему это письмо целую неделю. Пожалуй, главная причина. В конце концов, это ее дело – и дело клуба «Афина» – в той же мере, что и его. Но как она могла возразить? В конце концов, намерения у него хорошие, и он предлагает помощь, в которой они, безусловно, нуждаются.

– Она вернется только к вечернему чаю, – сказала Мэри. – А до тех пор, поскольку мистер Лидгейт больше не требует нашего внимания, может быть, займемся ушами? Я могла бы хотя бы печатать под вашу диктовку. – Мэри уже становилась недурной машинисткой. Она даже купила книгу по

стенографии. – И еще я хотела бы убедиться, что его дело занесено в картотеку как полагается, чтобы, когда я уеду, все записи были в порядке.

– Не знаю, что мы будем без вас делать, мисс Джекилл, – сказал Ватсон. – Вернемся к тому состоянию, в каком были до вашего прихода.

Мэри улыбнулась. Они наверняка устроят тут чертовский – да, именно чертовский – кавардак. Ну что ж, она разгребет эти кучи, когда вернется из Вены. Знать бы еще, когда это будет...

Кэтрин: – Наша Мэри чертыхается. Я потрясена.

Мэри: – Так я и поверила.

Она аккуратно убрала письмо обратно в сумочку, а затем наконец сняла жакет и уселась за письменный стол, бросив беглый взгляд на потайной ящик. Удовлетворить свое любопытство сейчас все равно не было возможности. Как бы то ни было, она – ассистент мистера Холмса, и ей пора приниматься за работу.

– Итак, мисс Джекилл, – проговорил он, – будьте любезны, перепишите эти записи, которые я сделал в воскресенье вечером. Боюсь, они в ужасном беспорядке...

Долгое время в квартире 221Б на Бейкер-стрит не слышалось ни звука, кроме скрипа пера Мэри, шороха газеты Ватсона и негромкого голоса Холмса, время от времени что-то

бормотавшего про себя, все только об одном – об ушах: «Три дюйма от верхушки до кончика мочки... бугорок ушной раковины мясистый... мочка необычно выступающая, с двумя проколами...»

Не успел он повернуться к Мэри с банкой в руке и проговорить необычайно довольным тоном:

– А это, мисс Джекилл, ухо Джона Сетона, знаменитого разбойника времен Георгов, известного как Черный Джон Сетон. Он и его люди наводили ужас на Шропшир, пока его не повесили, – и до сих пор поговаривают, что его призрак бродит по дорогам страны. Видите, как оно опровергает теорию Ломброзо, что преступника можно немедленно опознать по ушам. Ухо Сетона не крупное, не оттопыренное, и, однако, он был вором и убийцей... – как миссис Хадсон без стука открыла дверь, и в комнату, запнувшись на пороге, вошла Элис. Рукава у нее были все еще закатаны, как будто ее только что оторвали от стирки.

– Телеграмма, мисс! – кое-как выговорила она и схватилась рукой за бок, тяжело дыша. Неужели она бежала сюда через весь парк?

– Сядьте, Элис, иначе упадете, – сказал Ватсон. – Вот, тут есть местечко на диване.

Он смел с дивана крошки пепла.

Мэри подошла к Элис, обогнув по пути Холмса с его драгоценной банкой.

– Миссис Хадсон, не могли бы вы принести Элис немного

воды? Да сядь, Элис, доктор Ватсон же тебе сказал. Что тут такого срочного?

Она взяла у Элис телеграмму, какое-то время молча смотрела на нее, а затем протянула Холмсу. На тонком кремовом листе бумаги было написано:

**«ЛЮСИНДА ПРОПАЛА
РАЗЫЩИТЕ ЕЕ И ПРИВЕЗИТЕ В БУДАПЕШТ
ЕЖЕГОДНОЕ СОБРАНИЕ S.A. СОСТОИТСЯ
20–24 СЕНТЯБРЯ НУЖНО УБЕДИТЬ ИХ
ПРЕКРАТИТЬ ЭКСПЕРИМЕНТЫ
ВАША МИНА»**

Глава II. Встреча в Перфлите

В этот раз Мэри уже не обращала внимания на розы. Она торопливо шагала через парк рядом с Шерлоком Холмсом. Подумать только – целое утро на какие-то уши убила.

Следовало бы как-то исхитриться выехать сразу, как только она получила письмо мисс Мюррей, но ведь столько всего нужно было уладить: узнать расписание поездов, найти жилье и, разумеется, решить вопрос, как они будут за него платить. У них до сих пор еще ничего не готово, и раньше будущей недели подготовиться никак не успеть. А теперь еще и Люсинда Ван Хельсинг пропала.

Как и где им теперь искать девушку, которую они никогда не видели, в незнакомом городе, где даже по-английски никто не говорит? И как увезти ее в Будапешт? Их бюджет на это определенно не рассчитан. До двадцатого сентября осталось всего три недели. Это просто невозможно.

– Погодите минутку, мисс Джекилл. – Холмс остановил ее, взяв за руку. – Как бы быстро вы ни бежали через Риджентс-парк, ваше прибытие в Вену это не ускорит. А Ватсон с вашей служанкой не могут за нами угнаться.

Мэри оглянулась. Да, они и правда отстали. Ватсон подерживал Элис, а та хромала, цепляясь за его руку.

– Извините. Я и сама не знаю, чем мне поможет спешка. Мы потеряли человека, которого должны были спасти. Да

и не все ли равно теперь, за сколько дней мы доберемся до Вены? Боюсь, уже все пропало.

– Пока еще ничего не пропало, уверяю вас. Я узнаю это место, мисс Джекилл. Именно здесь в один майский вечер мы оставили труп зверочеловека, напавшего на мисс Франкенштейн. Вот тут, под этим самым деревом. И вы, и мисс Раппаччини, и мисс Моро, и мисс Франкенштейн – да, и даже мисс Хайд, при всем ее несносном характере, – способны на многое, недоступное обычным женщинам, да и мужчинам тоже. Не принижайте себя, не успев еще приступить к делу.

Мэри с любопытством взглянула на Холмса. Не в его духе произносить воодушевляющие речи. Он уже смотрел назад, поджидая Ватсона с Элис. Ей нравился его профиль. Узкий, орлиный – решительный профиль человека, не знающего сомнений и колебаний. С мистером Холмсом всегда все просто и ясно... почти всегда.

– Прошу прощения, – сказал, подходя, Ватсон. – У Элис сильно болит нога, хоть она и говорит, что это пустяки. Должно быть, она подвернула ее, когда бежала к нам.

– Со мной все хорошо, доктор Ватсон, – проговорила Элис, но лицо у нее было бледное и все в капельках пота.

– Дайте-ка... – сказал Холмс. К изумлению Мэри, он поднял Элис на руки (судомойка вскрикнула от неожиданности – коротко, но пронзительно, будто закипающий чайник) и понес. Мэри озадаченно смотрела ему в спину.

– Иногда его можно принять за машину, – сказал Ватсон,

– но он способен на глубокие чувства. Вы же видели, как он смотрел на ту фотографию, мисс Джекилл?

– Да. А кто ему эта миссис Нортон? – Не очень-то прилично расспрашивать о таких вещах... но ей хотелось знать.

– О... Кто же может сказать, что творится у Холмса на сердце? Но я полагаю, что это любовь всей его жизни.

Мэри молча шла рядом с доктором Ватсоном. До сих пор она как-то и представить себе не могла... Но, конечно, даже мистер Холмс наверняка когда-нибудь влюблялся. В конце концов, он ведь гораздо старше, и его жизнь не была ограничена такими узкими рамками, как у нее. Мысленно она выбрала себя за неуместное удивление.

– Это было весьма любопытное дело, – проговорил Ватсон, немного помолчав. – Вначале мы думали, что она обычная авантюристка. Король Богемии попросил нас разыскать ее – она была его любовницей, и у нее осталась компрометирующая фотография, где они были сняты вместе. Он собирался жениться на женщине своего круга и строгих моральных устоев. Он боялся, что мисс Адлер, как ее тогда звали, предаст их связь огласке, и просил нас вернуть фотографию. Дело несложное – по крайней мере, мы так думали. Но она оказалась женщиной необычайного ума и порядочности. И она единственная на моей памяти, кому удалось превзойти Холмса.

Вот и Парк-Террейс. Холмс уже ждал на крыльце, все еще держа Элис на руках. Мэри подошла и отперла дверь. Что

же за женщина эта миссис Нортон? Бывшая любовница короля Богемии! Подозреваемая в шантаже! Ни дать ни взять героиня романа. Что могло привлечь мистера Холмса в такой женщине? Но ведь мужчины непредсказуемы, как часто говорит миссис Пул. Мэри была заранее готова к тому, что эта миссис Нортон ей очень сильно не понравится.

Мэри: – А об этом непременно нужно писать? Ирен ведь тоже это прочитает.

Кэтрин: – Думаю, Ирен поймет.

Мэри: – Поймет, конечно. Но все-таки неловко.

Кэтрин: – Да, потому что это правда. Это то, что ты тогда чувствовала.

Мэри: – Все равно, можно было бы об этом и не упоминать.

– Мистер Холмс, не могли бы вы уложить Элис на диван?

– Со мной все хорошо, мисс, – глухо проговорила Элис в плечо Холмса. – Ну правда же, я и так до кухни дойду.

– Не сейчас, – сказал Ватсон. – Я хочу осмотреть вашу ногу. Мисс Джекилл, эта комната очень изменилась с тех пор, как мы были здесь в последний раз. Раньше ведь тут было как-то темнее?

Когда же мистер Холмс с доктором Ватсоном в последний раз были в гостиной на Прак-Террейс, 11? Мэри припомнила – выходило, что почти три месяца назад, вскоре после того,

как они раскрыли дело с убийствами в Уайтчепеле. Да, с тех пор комната и впрямь изменилась.

– Это все Беатриче, – сказала она. Правда, стены в голубой цвет, с бордюром из красных и желтых цветов под самым потолком, выкрасила Жюстина, и несколько картин на стенах тоже были ее. Но Беатриче докупила кое-какую мебель и ткань с узором от Morris & Co., которой они заново обтянули диван и кресла. Она же купила и голубые китайские кувшины. Она заявила, что намерена совместить эстетичный стиль с экономичностью, что бы это ни значило. Во всяком случае, теперь гостиная хотя бы не производила такого мрачного впечатления, как в дни после смерти миссис Джекилл!

Холмс уложил Элис на диван, головой на вышитую турецкую подушку – в «эстетичном стиле» Беатриче.

– Доктора надо слушаться, – сказал он, выпрямился и засунул руки в карманы с таким небрежным видом, словно это не он только что тащил пострадавшую девочку через весь парк.

– Мисс Мэри! Я услышала ваш голос. – На миссис Пул был фартук, рукава закатаны выше локтей. Волосы, против обыкновения, свисали вьющимися прядями вдоль лица. Даже руки еще были в мыльной пене. Она явно только что стирала.

– Элис, кажется, ногу вывихнула. – Мэри сняла шляпку и перчатки и положила на каминную полку. – А Беатриче

дома?

– Я сейчас ее позову, – сказала миссис Пул и скрылась в коридоре – но сначала взяла с полки перчатки и шляпку, наверняка для того, чтобы убрать их на место. Мэри почувствовала укол совести – это же не квартира Холмса, где и шляпки, и перчатки, и человеческие черепа могут валяться где угодно. Ей вовсе не хотелось добавлять миссис Пул лишней работы.

– Думаю, просто подвернула, – сказал Ватсон, ощупывая лодыжку. – Но немного поболит. Придется вам отдохнуть несколько дней, Элис. Сможете?

Элис неубедительно кивнула.

– Мэри! Ты видела телеграмму? – В дверях стояла Жюстина. Поверх платья на ней была рабочая блуза, вся в пятнах и разводах масляной краски. Голова у нее была повязана шарфом, а в руке она все еще держала кисточку – ее кончик голубел, как небо Швейцарии, которое Жюстина только что рисовала. – О, мистер Холмс, доктор Ватсон! Какой сюрприз.

– Да, видела, и не представляю, как быть, – сказала Мэри. – Есть ли хоть какая-то возможность выехать раньше, чем через неделю?

– Паспорта сегодня пришли, но ведь мы еще даже не начинали укладывать вещи. И тебе, кажется, еще нужно сделать какие-то распоряжения в банке? – Жюстина вдруг в испуге взглянула на свою кисточку. – Mon Dieu², как это я ее

² Боже мой (фр.).

сюда притащила? Прошу прощения, я сейчас вернусь.

– Элис, cosa ti è successo³? Что случилось? Миссис Пул говорит, ты повредила ногу. – Как раз в тот момент, когда Жюстина побежала наверх, в гостиную вошла Беатриче. Она была в перчатках, с корзинкой на руке. Когда она подошла к дивану, все машинально отодвинулись подальше. Даже Ватсон отступил, хотя тут же снова шагнул вперед, словно желая показать, что уж он-то ее не боится. Беатриче опустилась на колени возле дивана и достала из корзинки рулон белого полотна, а затем пузырек с какой-то зеленой жидкостью.

– Думаю, Элис всего лишь подвернула ногу, мисс Раппаччини, – сказал Ватсон. – Позвольте спросить, что это такое, в пузырьке?

– Противовоспалительное средство моего собственного изготовления. – Беатриче провела рукой в перчатке по лодыжке Элис. Перчатки были сшиты из тончайшей, мягчайшей лайки, по ее собственному заказу, чтобы как можно меньше стесняли движения. Разумеется, это было все равно не то, что собственная кожа, зато в этих перчатках она могла прикасаться к кому угодно, не вызывая ожогов. – Может быть, джентльмены извинят нас на минуту? – спросила она, многозначительно глядя на Холмса. Тот с улыбкой повернулся к ней спиной и принялся разглядывать портрет матери Мэри, висевший над камином. Ватсон тоже отвернулся. Дождавшись, когда взгляды джентльменов будут обращены в

³ Что с тобой? (*ит.*).

другую сторону, Беатриче сняла с Элис чулок. Смочила полоску ткани в зеленой жидкости, обмотала вокруг лодыжки, а сверху наложила еще одну повязку, сухую и тугую.

– Ну вот, теперь опухоль спадет.

– Пожалуйста, можно я теперь пойду к себе? – спросила Элис. Лицо у нее было бледное, страдальческое и несчастное.

– Конечно, – ответила Беатриче. – Теперь тебе нужен покой. Никаких больше приключений, хотя бы на какое-то время!

– Может быть, мне ее отнести? – спросил Холмс, оторвавшись от тщательного изучения портрета и снова поворачиваясь к ним.

– Нет! – воскликнула Элис в ту же секунду, как Жюстина, появившаяся в дверях, уже без кисточки и рабочей блузы, сказала:

– Я могу это сделать.

– Да, Жюстина, пожалуйста, – проговорила Элис с явным облегчением.

Элис: – Да я бы умерла на месте! Мистер Холмс в моей комнате при кухне? Да я бы лучше на карачках по лестнице сползла, честное слово!

– Ну, иди сюда, ma petite⁴. Обхвати меня руками за шею. –

⁴ Моя маленькая (фр.).

Жюстина взяла Элис на руки, и это далось ей легче, чем Холмсу.

– Я открою вам дверь, – сказала Беатриче. Она вновь надела ручку корзинки на руку и вышла из комнаты вслед за Жюстиной.

– Из мисс Раппаччини вышел бы превосходный врач, если бы только она не была женщиной, – сказал Ватсон.

– И если бы она не была ядовитой. – Диана стояла в дверях со скрещенными на груди руками. – А мне, как всегда, никто ничего не рассказывает.

Ну хоть оделась! Правда, Мэри заметила, что рубашка у нее сзади не заправлена и галстук съехал набок. И причесться она, кажется, забыла. Это же Диана, с нее станется.

– Ладно, входи, нам все равно нужно проводить собрание, – сказала Мэри. Она достала из сумочки телеграмму. – Нужно обсудить, что мы будем делать с этим. – Она поставила сумочку на каминную полку, но тут же спохватилась: опять она добавляет лишней работы миссис Пул. Тогда она села в кресло, а сумочку положила на колени. Она вдруг почувствовала, что ужасно устала. Она и правда понятия не имела, что же делать.

Холмс уселся на диван напротив, где только что лежала Элис. Ватсон хотел было сесть рядом с ним, но Диана опередила его, проскользнув мимо, как кошка. Пока он собирался сесть, она уже свернулась калачиком в уголке. С таким видом, будто ему было и забавно, и досадно одновременно,

Ватсон уселся в другое кресло. Едва он отвернулся, Диана тут же высунула ему в спину язык. Мэри сурово покачала головой, словно хотела сказать: «Прекрати немедленно, поросенок!»

Диана: – Как это ты умудрилась назвать меня поросянком одним движением головы?

Мэри: – Показать?

– Не могли бы вы ознакомить меня с вашим первоначальным планом? – сказал Холмс. – Как вы намеревались спасти Люсинду Ван Хельсинг?

– Мне нужна моя папка, – сказала Мэри. – Там всё. Она в библиотеке, на столе.

– Вот она. – Жюстина вошла в комнату с папкой и меленькой красной книжечкой. – Беатриче готовит какое-то средство – для обезболивания и чтобы Элис легче заснула. Наши паспорта я положила вот сюда, как раз перед тем, как принесли телеграмму. Вот видите, мистер Холмс, как четко у нас все организовано! У меня и Бедекер есть.

Она протянула папку Мэри, а та знаком попросила придвинуть к дивану чайный столик. Когда это было сделано, она положила на него папку и вытащила документы, которые собирала всю последнюю неделю. Жюстина прибавила к этому красную книжечку с надписью на обложке: «Карл Бедекер. Путеводитель по Австрии».

Мэри взяла паспорта, лежавшие сверху, и протянула сыщику.

– Если верить Бедкеру, в путешествии по Европе можно обойтись и без паспортов, но нам они необходимы для удостоверения личности. Понимаете, мы не хотим путешествовать под собственными именами.

Каждый паспорт представлял собой отдельный лист бумаги, на котором конторским почерком клерка из паспортного стола было написано, что владелец этого паспорта – британский гражданин и пользуется всеми соответствующими правами и привилегиями, в том числе правом беспрепятственного въезда в ту страну, где он предъявлен.

– Джастин, Мэри и Кэтрин Фрэнк, – прочитал Холмс. – Насколько я понимаю, мисс Франкенштейн, вы будете Джастином?

– Да, мистер Холмс. В виде женщины я сразу же вызову подозрения, из-за одного своего роста. А как мужчина я не слишком подозрительна – не более, чем вы. Вот! – словно только сейчас вспомнив, она стянула с головы шарф. – Видите?

– Мисс Франкенштейн! – воскликнул Ватсон. Волосы Жюстины, еще неделю назад струившиеся по спине светлыми волнами цвета спелой пшеницы на ветру, теперь были аккуратно острижены – как у какого-нибудь лондонского клерка. Когда-то она была Жюстиной Мориц, горничной у Франкенштейнов – хорошенькой, смешливой и довольно безза-

ботной девушкой, и глаза у нее были голубые, как колокольчики, растущие на склонах Швейцарских Альп. Теперь, став Жюстиной Франкенштейн, возрожденной к жизни своим отцом и создателем Виктором Франкенштейном, она стала высокой и бледной, и у нее появилась привычка сутулиться, чтобы скрыть высокий рост. Она сделалась задумчивой, тихой – и теперь, пожалуй, не всякий решился бы назвать ее хорошенькой. Но в образе мужчины она приобрела некую утонченную красоту, которая, вероятно, привлекла бы интеллектуально развитых женщин, таких как авторы «Желтой книги», писательницы, суфражистки и реформаторы одежды.

Беатриче: – Думаю, меня тоже можно отнести к числу таких интеллектуально развитых женщин, о которых ты говоришь с таким явным презрением! Хотя я ничего не писала в «Желтую книгу» – оставляю это тебе, Кэт. И да, я считаю, что в образе мужчины Жюстина была очень красива.

Кэтрин: – Не думаю, что «Желтая книга» заинтересовалась бы тем, что я пишу!

Беатриче: – Знаешь, я отказываюсь спорить с тобой о политике и литературе.

Кэтрин: – Хоть раз в жизни.

– Мы поедем под видом родственников: брат и две сестры,

– объяснила Мэри. – Мне показалось, что фамилию лучше взять самую простую. Мы решили, что любая из наших – Джекилл, Моро, Франкенштейн – будет слишком привлекать внимание. Нам ведь придется покупать билеты, платить за жилье...

– А как вы намереваетесь добраться до Вены? – спросил Холмс, уперев локти в колени и сложив ладони вместе перед собой. Это была его типичная поза, означавшая: «у меня есть идея». Вот сейчас, с тревогой подумала Мэри, и пойдут кувырком все наши планы.

– Из Лондона в Дувр, потом, конечно, на пароме через канал, потом из Дувра в Остенд, а оттуда на поезде с пересадками...

– Не экспрессом?

– Мистер Холмс, экспресс нам определенно не по карману. В Остенде мы сядем на поезд до Брюсселя, затем до Франкфурта, затем до Нюрнберга и, наконец, до Вены – по возможности будем ехать вторым классом и останавливаться на ночлег в меблированных комнатах. Наш маршрут уже тщательно спланирован.

– Не сомневаюсь, мисс Джекилл. Вы всегда все планируете тщательно. Но когда же вы доберетесь до Вены, если будете путешествовать таким манером?

– Через две недели, – сказала Жюстина. – Нет, правда, мистер Холмс, это самый быстрый способ из тех, что нам по карману. Я продала свою картину на Гросвенор-сквер.

Кэтрин получила аванс за «Тайны Астарты». Беатриче день и ночь работала над огромным заказом от Королевского колледжа хирургов. Мы все внесли, сколько было в наших силах, и Мэри тщательнейшим образом рассчитала все расходы.

Мэри удивленно взглянула на Жюстину. Не в ее характере спорить с кем бы то ни было, а тут вдруг она возражает самому мистеру Холмсу! Молодчина. Она очень изменилась за эти три месяца, прошедшие с тех пор, как они основали клуб «Афина». Да и все они изменились.

– Две недели – это слишком долго, – сказал Холмс. – Не забывайте, вам нужно по возможности успеть в Будапешт до двадцатого сентября, когда там будет проходить это заседание Société des Alchimistes. Я не понимаю, что задумала мисс Мюррей, ваша бывшая гувернантка, и почему она хочет, чтобы именно вы помогли Люсинде Ван Хельсинг. Но вы знаете и уважаете ее, мисс Джекилл, и я полагаю, она здравомыслящая женщина, значит, у нее должна быть причина для того, чтобы просить вас сделать почти невозможное. У меня свой интерес в этом деле: я ведь тоже пытаюсь разгадать загадку Общества алхимиков. Я тоже хочу знать, что замышляют Ван Хельсинг со Сьюардом. Я бы поехал сам, если бы мог. Несмотря на всю опасность, я рад, что вы едете, и надеюсь, что вы будете извещать меня о ходе расследования, когда позволят обстоятельства. Но если вы хотите попасть в Вену как можно раньше, ехать нужно только экспрессом.

Я закажу по телеграфу три билета на Восточный экспресс до Вены. Там оборудованы спальные вагоны, следовательно, вам не придется тратиться на жилье. А Ирен Нортон я телеграфирую дату и время вашего прибытия.

Наступило молчание.

– Вы все так негодующе смотрите на меня, – сказал он. – Даже мисс Франкенштейн, хотя она никогда так не смотрит. Скажите же мне, ради бога, в чем я провинился.

– Леди, вы должны простить мистера Холмса, – сказал Ватсон. – Он так привык всем распоряжаться, что иногда забывает, как неприятно бывает другим, когда он устраивает их дела по своему усмотрению.

– Другими словами, вы великий Шерлок Холмс, и никто не смеет вам слова сказать, когда вы становитесь занозой в заднице, – сказала Диана. Мэри опустила взгляд на свои сжатые руки и улыбнулась про себя: во-первых, потому что это была правда, а во-вторых, потому что Диана до этого просидела молча целых пять минут подряд. Это прогресс.

– Вы правы, мистер Холмс, – сказала Мэри. Она старалась подавить улыбку – Холмс все-таки не привык, чтобы над ним потешались, а тем более – сравнивали с занозой в заднице. – Экспресс, без сомнения, доставил бы нас в Вену быстрее. Что касается того, принять ли ваше предложение, то мне нужно посоветоваться с членами клуба «Афина». Президента у нас нет, решения принимаются сообща.

Он поглядел на нее... да, он явно собирался что-то ска-

зять. И что же? Она была готова к спору. Но он сдержался – это было видно. Смеяться было бы жестоко – он действительно старался изо всех сил, да и предложение, которое он сделал, было весьма щедрым. По правде говоря, сама его щедрость и была оскорбительной. Как бы то ни было, она подсчитала – с Восточным экспрессом, если поторопиться со сборами и выехать через два-три дня, они могут прибыть в Вену меньше чем через неделю. Это значит, у них будет еще две недели на то, чтобы разыскать Люсинду Ван Хельсинг и привезти ее в Будапешт. Дело все равно безнадежное... но уже на целую неделю менее безнадежное.

– Вы будете пить чай, мисс? – Пока Мэри занималась своими мысленными подсчетами, в комнату вошла миссис Пул – уже в своем обычном респектабельном виде, в черном платье и фартуке, а не в той одежде, в какой занималась стиркой. Когда-то у них была для этого прачка и специальная горничная, которая помогала миссис Пул накрывать на стол для чая, и лакей, который мог бы подвинуть столик... Ну что ж, теперь все это осталось в прошлом, и нет смысла об этом мечтать. И все равно их бывшая горничная и бывший лакей, Энид и Джозеф, уже счастливо женаты и живут в Бейзингстоке.

– Да, спасибо, миссис Пул. Правду сказать, теперь я вспомнила, что, кажется, и не обедала. Мы получили телеграмму, потом Элис подвернула ногу, а потом мы разбирали документы для поездки...

– Хотелось бы мне, чтобы вы, девушки, побольше думали о своих желудках и поменьше о всяких тайнах и приключениях, – сказала миссис Пул. – Если бы не я, вы бы тут, пожалуй, ни разу и не поели по-человечески.

– Совершенно верно, – сказала Мэри. – Не могли бы вы принести чай, пожалуйста? Со стола мы сейчас уберем.

– И пирожки с джемом, ладно? – сказала Диана. – Я же знаю, что у нас есть пирожки с джемом.

Но миссис Пул уже вышла из комнаты и направилась на кухню.

– Я ей помогу. Все равно мне нет смысла тут торчать – в путешествие меня не берут, хотя я умнее любой из вас и толку от меня больше!

И она вышла за дверь вслед за миссис Пул с самым презрительным выражением лица, какое только сумела изобразить.

Жюстина подняла на Мэри изумленные глаза.

– Диана добровольно вызвалась помочь?

– Очень сомневаюсь, – ответила Мэри. – Если уж Диана что-то делает, значит, у нее непременно есть какой-то свой интерес.

Диана: – Я хотела проследить, чтобы она не забыла про пирожки. Она держит их в кухонном шкафчике и угощает меня, когда я зайду на кухню. Я же вам говорила, миссис Пул меня любит больше всех.

Миссис Пул: – С пирожком во рту ты хоть помолчишь немного, чертенок. И Элис я их тоже даю, когда попросит.

Диана: – Элис пресная. Хорошее слово, правда? Я его даже на латыни знаю: инсулсус. Это значит – несоленый. Элис у нас несоленая!

Беатриче: – Так вот для чего ты просила меня учить тебя латыни – чтобы гадости про людей говорить?

– Вы все здесь! – При звуке голоса Кэтрин Мэри вздрогнула от неожиданности и подняла голову. Кэтрин стояла в дверях. Должно быть, она открыла дверь в дом своим ключом – в самый подходящий момент, чтобы избежать едких замечаний миссис Пул. Хотя еще большее неодобрение у нее наверняка вызвала бы одежда Кэтрин!

– Что с тобой случилось такое? – спросила Мэри. – Вид у тебя... – Впрочем, описать словами наряд Кэтрин было трудно. – Утром ты была одета совсем по-другому. Где твой костюм?

– Я не могу ехать в Вену. Прендик все еще в Лондоне, и он встречается с доктором Сьюардом... А, ты об этом?

Кэтрин бросила взгляд на свою одежду. Утром она вышла из дома в мужском костюме, поношенном, но приличном. А сейчас на ней было женское платье слишком большого для нее размера. Оно было блекло-сиреневого цвета и явно знавало лучшие времена. На голове у Кэтрин была соломенная

шляпка, такая потрепанная, словно ее сняли с огородного пугала (да так оно и было). Вдоль лица свисали выбившиеся пряди волос. Она закатала рукав и осмотрела длинную царапину на руке.

– Я упала в какие-то кусты, а платье мне пришлось стащить с бельевой веревки. Но дело не в этом. Наконец-то есть какие-то новости! Сьюард с Прендиком снова встречаются на будущей неделе, где-то в Сохо. Я должна выяснить, что происходит. Добрый день, мистер Холмс, доктор Ватсон. Раз вы здесь, значит, что-то случилось. Может быть, вы узнали то же, что и я?

– Так, значит, Прендик не погиб в огне! – сказал Ватсон. – Мы так и подозревали, что он выбрался с того склада.

– Мы говорили о Вене и Люсинде Ван Хельсинг, – сказала Мэри. – По словам мисс Мюррей, она пропала, и мы должны ее найти... погоди, так что ты там узнала? Давай-ка, садись и рассказывай, что произошло в Перфлите. Миссис Пул сейчас принесет чай.

– Да благословит миссис Пул Бог, в которого я не верю! – горячо проговорила Кэтрин. – Чарли, ты же выпьешь с нами чаю?

Чарли просунул в дверь голову, а затем нерешительно шагнул в гостиную, словно в яму со змеями.

– Здравьете, мистер Холмс. Ну, не знаю... а Диана тут?

– Она на кухне, – сказала Мэри. – Может, и ты там хочешь чаю попить?

– Да, мисс, – с благодарностью в голосе согласился Чарли и исчез так же внезапно, как и появился, только стук башмаков эхом разнесся по коридору.

Мэри бросила взгляд на Холмса. Тот ничего не сказал, но на лице у него вновь появилось такое выражение, словно он находит все это забавным и преспокойно ждет объяснений. Иногда его хладнокровие действовало на нервы.

Кэтрин сняла соломенную шляпку и положила на каминную полку (Мэри мысленно напомнила себе – надо будет убрать, пока миссис Пул не увидела). Потом села на диван рядом с мистером Холмсом и начала разматывать пучок на голове – она собрала в него волосы еще утром, когда прятала их под мужскую шляпу, которую потом потеряла... где? И куда мог подеваться ее костюм? Сколько убытков, подумала Мэри. Но, возможно, другого выхода не было.

– Так что же случилось? Нам тоже многое нужно тебе рассказать, но, наверное, лучше сначала ты. У тебя, судя по всему, был богатый событиями день.

Мэри подалась вперед – ей не терпелось услышать, что же такое произошло в Перфлите. Жюстина села на ковер и прислонилась спиной к ручке кресла. Холмс с Ватсоном тоже глядели на Кэтрин выжидающе, приготовившись слушать ее историю.

– Бог мой, как вы все на меня уставились. Я и сама знаю, что вид у меня наверняка жуткий. А начиналось все совсем недурно, – начала Кэтрин.

Миссис Пул: – Приключения приключениями, но вот воровства я одобрить не могу. Каких трудов мне потом стоило вернуть это платье бедной миссис Поттс из Перфлита!

Кэтрин: – Ну что же делать – я сожалею, но надо же мне было во что-то переодеться! За мной гнались. Вам бы хотелось, чтобы меня поймала перфлитская полиция?

А теперь нам нужно вернуться назад и рассказать, что случилось утром, сразу после того, как Мэри ушла на Бейкер-стрит, 221Б. На Мэрилебон-роуд Кэтрин остановила кэб, идущий в направлении Фенчерч-стрит.

– Не хватало еще таких оборванцев возить! – сказал кэбмен, как только они уселись. – Бродяга, сразу видать, да еще и воришка наверняка! От таких любого арапства жди. Уж и не знаю, зачем благородному джентльмену вроде вас с таким сбродом якшаться. – И возница бросил на нее сердитый взгляд.

Про себя Кэтрин утробно зарычала. Но сейчас этим делу не поможешь.

– Пока я плачу вам деньги, дружище, ваше дело – везти меня, куда мне угодно и с кем мне угодно. Я везу этого несчастного беглеца домой, к матери, чтобы он мог вернуться к достойной жизни. Поехали! Фенчерч-стрит!

Она уже знала, что приличный костюм и властная манера обычно помогают добиться своего – во всяком случае, в Лондоне.

Выругавшись, кэбмен отвернулся и крикнул: «Но-о!» Лошадь тронулась с места, и они покатали по многолюдным улицам Лондона. Окна были открыты, и разговаривать в таком шуме было трудно, хотя Кэтрин явственно слышала, как Чарли пробормотал: «Сама ты несчастный беглец!»

Беатриче: – Не понимаю, что за ругательство такое – «арапство». Если это намек на арабов, так это просто глупо. После падения Рима именно мусульмане-арабы сохранили для нас древние научные труды. Им мы обязаны многими открытиями в астрономии, физиологии и искусстве хирургии. Без них медицины как науки просто не существовало бы!

Кэтрин: – Ну, не рассказывать же мне все это лондонскому кэбби?

На вокзале Фенчерч-стрит они сели в поезд до Перфлита, в вагон второго класса. Вагон был пустой, так что наконец-то можно было обсудить планы.

– Когда мы приедем в Перфлит, я хочу, чтобы ты поговорил там с мальчишками, – сказала Кэтрин. – Мальчишки всегда все знают. Да вот хоть у отеля «Роял» стоит мальчишка-чистильщик, можно с него начать. А я поговорю с Джо.

Три месяца прошло, и ничего – сам доктор Сьюард никуда не выходил, и у него никаких посетителей не было. Мы знаем, что он получает письма с красной печатью Общества, но не знаем, что там, в конвертах.

– А почему нельзя их просто свистнуть? – спросил Чарли. Такие ребята, как Чарли, всегда отличаются прямоотой. Жизнь на лондонских улицах требует практического склада ума. Все сантименты, если они у них и были, там быстро выветриваются: не выживают в голоде, холоде и опасностях. Но зато и верностью, и сообразительностью типичный лондонский уличный мальчишка превзойдет кого угодно. В следующий раз, когда будете с презрением говорить об «оборванцах», вспомните таких ребят, как Чарли, – они добывают себе пропитание как могут, правдами и неправдами, потому что ничего другого им не остается, питаются крохами, которые бросает им общество. Их трудно назвать честными, но кого же в этом винить – самого маленького бедняка или социальные условия, в которых ему приходится выживать?

Мэри: – Мне кажется, Чарли не самый подходящий образец типичного лондонского уличного мальчишки. По крайней мере, сам он ставит себя выше их. Мальчишки с Бейкер-стрит вообще не совсем обычный народ, учитывая, с кем они водят компанию.

Беартиче: – И все-таки Кэтрин права. С этими ребятами обращаются отвратительно – как с карманни-

ками или еще хуже. Наша система правосудия глубоко, фундаментально предубеждена против них. Наше общество изгоняет их с позором...

Мэри: – Ну вот видишь, из-за тебя Беатриче опять завелась!

Кэтрин покачала головой:

– Джо и так уже под подозрением. Доктор Сьюард его уже раз уволил – когда этот сумасшедший Ренфилд сбежал. Мы же не хотим, чтобы его уволили опять. Уж очень он нам полезен на своем месте. Но обстановка в Перфлите странная – слишком уж все тихо. Как вода, когда рыба вот-вот всплывет, но ее саму еще не видно, только цепочку пузырей под водой. Вот эти письма и есть те самые пузыри...

Она повернулась к окну. Лондонские магазины и конторы уже сменились жилыми домами, а затем полями и лугами.

– Я раньше никогда за городом не бывал, – сказал наконец Чарли. – Зеленое все какое, а?

Она кивнула. Какое-то время они сидели и молчали под стук колес. Потом он спросил:

– А вы правда пума, да? Вы только не обижайтесь, что я спрашиваю. Это мне Диана сказала, а она же и приврать умеет будь здоров как.

Кэтрин серьезно кивнула.

– Хочешь пощупать?

Она подняла уголок верхней губы и показала клык. Чарли

протянул руку и потрогал его большим пальцем.

– Вот это да! Такими здорово порвать можно, на что угодно спорю. – Он с беспокойством посмотрел на нее. – А вы меня не укусите? Диана иногда кусается, но она-то ладно, она сильно не прокусит.

Диана: – Это я-то не прокушу? Ну погоди, Чарли Саттон, увидишь...

– Я кусаюсь только для защиты или когда голодная, – сказала Кэтрин. – На твое счастье, я отлично позавтракала. – Она с удовольствием заметила, что Чарли все еще поглядывает на нее настороженно. Вот и пускай. Стоит ли быть женщиной-пумой, если нельзя кого-то припугнуть разок-другой? – А хочешь, расскажу, как я жила на острове доктора Моро, со зверолоудьми? И как меня бросили одну на пустынном острове? А потом спасли и увезли в Перу?

Чарли охотно закивал.

– Ну тогда слушай. – И всю дорогу она потчевала его историями о своей жизни на острове и о том, что случилось с ней потом. Если вы тоже хотите узнать историю Кэтрин, нет ничего проще – купите книгу «Странная история дочери алхимика», первую в серии приключений клуба «Афина» – два шиллинга, как я уже упоминала.

Мэри: – Я бы не стала вставлять в текст рекламу

так часто. Читателям хочется читать историю, а не рекламные объявления! Мы же не «Липпинкотс мантли мэгазин», в конце концов.

К тому времени, как поезд подъехал к Перфлиту, Кэтрин уже стояла в личном пантеоне Чарли разве что самую малость пониже Дианы – неподражаемая мисс Хайд все же оставалась там главной богиней, богиней воровства и мошенничества.

Диана: – Неподражаемая! Это мне нравится. Еще одно новое слово в мою копилку.

В Перфлите Чарли вышел из вагона первым и зашагал один по Хай-стрит, к отелю «Роял», засунув руки в карманы и насвистывая на ходу, словно просто прогуливался по улицам в ясный летний день, без всяких тайных целей.

Кэтрин выждала несколько минут на платформе: ни к чему, чтобы их видели в городе вместе. Затем она двинулась по Хай-стрит вслед за Чарли. Его было уже не видно – должно быть, зашел в отель, располагавшийся в центре городка, рядом с пабом «Черная собака». Проходя мимо паба, Кэтрин неодобрительно покачала головой: она уже вошла в роль. Миновав центральную часть города, она свернула на Норт-роуд, прошла мимо ворот лечебницы, словно они ее совершенно не интересовали. За лечебницей начинался ра-

бочий квартал. Она достала из кожаной сумки пачку брошюр-рок. В каждом доме преподобный Джозайя Крэшоу, как она представлялась, оставлял брошюрку в руках оторопевшей хозяйки или какого-нибудь малыша, открывшего дверь. Брошюрки назывались «О воздержании». Под заголовком крупно, замысловатой вязью было написано: «Пьянство ведет к пренебрежению долгом, моральному падению и преступной жизни», а еще ниже был нарисован мужчина, замахивающийся кулаком на перепуганную страдалицу-жену, и чума-зые дети, хватающие его за полы куртки. Каждый, кто вздумал бы остановить преподобного Крэшоу, выслушал бы лекцию о демоне пьянства и о том, как этот демон губит жизни добропорядочных мужчин – да что там мужчин, и женщин тоже! Но никто его не останавливал. Добравшись до конца Писфул-роуд, последней улицы в этом квартале, он заглянул и в дом Джо Эбернейти. Мать Джо подтвердила: да-да, она совершенно согласна, пьянство – бич английской молодежи, хотя она бы не сказала, что пиво так же вредно, как крепкие напитки, ведь даже ее Джо, и тот выпивает свою пинту каждый вечер, а лучшего сына и желать нельзя... Но тут наконец вышел Джо и сказал:

– Ма, да неужели ты не видишь – это же мисс Моро! Входите скорее. Я ждал вас, мисс.

– А боже ты мой, – сказала миссис Эбернейти. – Да как же мне ее узнать, когда она всякий раз в кого-то другого переодевается? Садитесь вот сюда, мисс, да поешьте чего-ни-

будь – уже одиннадцать скоро, пора и позавтракать. Да расскажите нам, как там миссис Пул поживает, и мисс Джекилл, и этот славный мистер Холмс.

Кухня Эбернейти ничуть не изменилась с того дня, когда Кэтрин была тут в последний раз: все те же полки, аккуратно заставленные посудой, те же занавески из ноттингемского тюля. Еще тут был большой стол, за которым Джо с матерью обычно обедали, четыре разномастных стула, раковина с ручкой насоса и большая черная печь, примостившаяся в дальнем углу, словно присевшее на корточки ручное чудовище. Безупречная чистота кухни могла служить доказательством, что миссис Эбернейти – прекрасная хозяйка.

– Мисс Моро некогда зря болтать, мама, – сказал Джо, расставляя тарелки с отпечатанным изображением кафедрального собора Великобритании. – Она пришла за информацией. И у меня есть кое-что для вас, мисс. Наконец-то кое-что случилось.

– Рассказывайте, – сказала Кэтрин, усаживаясь за кухонный стол. Столовой в доме Эбернейти не было, а гостиной пользовались только в самых торжественных случаях. Все важное происходило на кухне.

– Ну, – начал Джо, – вы уже знаете, что тут долго ничего не происходило, ничего интересного, во всяком случае. Только письма приходили с этими красными печатями и буквами S.A. Доктор Сьюард вел себя как обычно, и бедняга Ренфилд тоже – сидел да глотал себе своих мух, все такой же

безобидный малый.

Но в пятницу к доктору Сьюарду явился посетитель. Это был джентльмен из Лондона. Я знаю, потому что сам открывал ему ворота, и, пока шли через двор, заметил, что сегодня прекрасный день, а он и говорит: в Лондоне, мол, прохладнее, там тротуары мощеные. Судя по голосу и манерам, это был джентльмен, хотя воротничок у него был не такой уж белый – непохоже, чтобы его часто стирали, да и рукава пиджака внизу обтрепались. Что-то в нем было странное, как будто он боится чего-то. Сначала я подумал – может, он сам на прием пришел: он был как будто не совсем в себе, если вы понимаете, о чем я. Вид как раз такой, какой у наших пациентов иногда бывает. Но когда я спросил, как о нем доложить, он сказал, что его зовут Эдвард Прендик и у него назначена встреча с мистером Сьюардом. Я вспомнил, что это одно из тех имен, которые называла мисс Джекилл. Я бы послал письмо, мисс, но я же знал, что вы сегодня приедете.

Кэтрин сидела, онемев. Так, значит, Прендик – Эдвард Прендик, человек, который видел, как ее превратили из пумы в женщину, который научил ее говорить и читать, который говорил, что любит, а потом бросил ее одну на острове Моро, – этот человек жив. Он не погиб в огне вместе с Адамом Франкенштейном и не бежал на континент, как они думали. Он в Лондоне. Кэтрин не знала, что и сказать.

Миссис Эбернейти принесла тарелку черного хлеба с маслом и ломтиками холодной ветчины и блюдо с маринован-

ными овощами.

– Чай будет готов через минуту, – сказала она.

– Это ведь важно, правда, мисс? – спросил Джо, обеспокоенно глядя на Кэтрин.

– Да. Да, важно. – Кэтрин рассеянно намазала маслом кусочек хлеба и положила к себе на тарелку. Взяла ломтик ветчины и стала рвать зубами. – А вы не знаете, по какому поводу была эта встреча? – Нож, напомнила она себе. Мясо режут ножом, а едят вилкой. Чудовищно неудобный способ питаться. И как только люди выживают?

– Они сидели там около часа, – сказал Джо, делая себе бутерброд с маслом и ветчиной. Положил на тарелку маринованного лука и огурцов. – Я хотел подслушать под дверь, но работа ждала, да и другие санитары мимо ходили. Слышал только самое начало разговора. Доктор Сьюард говорил что-то о встрече в Лондоне, а Прендик не соглашался, и Сьюарда это вывело из себя. Он говорил громко, поэтому я все-таки кое-что расслышал. Говорил что-то про то, что сомневается в лояльности Прендика, и тут мне как раз пришлось уйти. Так я больше ничего и не разузнал.

В другом конце кухни засвистел чайник. Миссис Эбернейти сняла его с плиты.

– Джо, ты забыл чашки! – Миссис Эбернейти поставила на стол две чайные чашки, затем принесла чайничек из того же сервиза. Из носика у него шел пар. – Вы с молоком пьете, мисс Моро? Джо всегда пьет без молока, так я иной раз

забываю его на стол поставить.

– Да, – сказала Кэтрин. Остаток бутерброда она доела как полагается, ножом и вилкой. Ей не хотелось шокировать миссис Эбернейти.

– Прошу прощения, мисс. Жаль, что ничего больше не могу вам рассказать. Но, судя по всему, что-то затевается, как говорит мистер Холмс. Мы покупаем «Стрэнд» только ради рассказов доктора Ватсона. – Джо налил себе чая и щедро насыпал туда сахара. Чай был темный, крепкий – гораздо крепче, чем у миссис Пул.

– Ничего. То, что вы узнали, очень важно. Знать бы только, где и когда они готовят встречу!

– Тут уж я не могу вам помочь. Но я буду продолжать следить – может быть, мистер Прендик снова приедет и мне удастся выяснить еще что-нибудь?

Кэтрин налила себе чая – полчашечки, и долила побольше молока из кувшинчика, который принесла миссис Эбернейти.

– Спасибо, Джо. Мы очень благодарны вам за помощь. – Но эта встреча наверняка должна состояться совсем скоро, иначе Сьюард не вызывал бы Прендика к себе, а написал бы письмо. Как же узнать, где и когда они встречаются? Где могут храниться такие сведения? Наверняка такой важный человек, как директор Перфлитской лечебницы, ведет деловой календарь. Не отметил ли он там дату встречи с другим членом Société des Alchimistes? Или такие секретные сведения

бумаге не доверяют?

– Да не стоит благодарности, – проговорил Джо, и шея и лицо у него залились краской. – Я всегда рад помочь мисс Джекилл... и мистеру Холмсу, конечно.

Его смущение было почти забавным. Но все-таки в Джо чувствовалось своеобразное достоинство большого спокойного мужчины, и красные щеки не могли поколебать этого впечатления.

Кэтрин подумала – интересно, почему он держится за работу в лечебнице, когда вполне мог бы заработать больше каким-нибудь другим ремеслом. Может быть, все дело в его стремлении приносить пользу людям, помогать тем, кто нуждается в помощи.

Вдруг раздался стук в кухонную дверь. Джо вздрогнул так, что чуть стул не опрокинул.

– Ты кого-нибудь ждешь? – спросила миссис Эбернейти. Преподобный Джозайя Крэшоу уже приготовился громким и надменным голосом читать обоим Эбернейти наставления о необходимости воздержания от спиртного в любом виде.

Но миссис Эбернейти открыла дверь, и все увидели, что на пороге стоит Чарли. Он воровато оглянулся через плечо, а затем, к немалому изумлению миссис Эбернейти, прошмыгнул у нее под рукой на кухню.

– Хвоста за мной нет, это я ручаюсь, мисс, – доложил он преподобному Крэшоу.

– Это Чарли, мальчик из команды Шерлока Холмса, – по-

яснила Кэтрин. Миссис Эбернейти с тревогой оглядела лондонский наряд Чарли – некое обтрепанное подобие костюма джентльмена, слишком большого по размеру и потому подвернутого, где можно, – чтобы хоть штанины не волочились по земле. – Я привезла его с собой из Лондона, чтобы он поговорил с местными мальчишками – может быть, они видели что-нибудь такое, чего не заметил Джо. Мистер Холмс держит целую армию таких ребят: это его глаза и уши в Лондоне.

– Ну что ж, если это знакомый мистера Холмса... – сказал Джо, хотя поглядывал на Чарли все-таки с некоторым сомнением.

– Миссис Эбернейти, нельзя ли и Чарли налить чашку чая? Он не должен был сюда приходить, мы уговорились встретиться на вокзале. Но раз он здесь, значит, у него есть новости. Итак, – Кэтрин повернулась к Чарли, – что ты узнал?

– Тут что-то наклевывается, – сказал Чарли. – Смотрите, что я принес. А это что, хлеб с маслом?

Он вытянул из-под рубашки сверток синей ткани и протянул его Кэтрин.

Она встряхнула его, чтобы развернуть. Это оказалось... платье.

– Это из лечебницы, – сказал Джо. – Такие носят наши пациентки. Где ты его взял?

Чарли сел за стол и взял кусок хлеба, не успела еще миссис Эбернейти пододвинуть ему тарелку. Рассказывая, он успел

основательно намазать его маслом с помощью столового ножа, не дожидаясь, когда ему подадут отдельные приборы.

– Я пошел в отель «Роял», как вы сказали, мисс, и завел разговор с чистильщиком. Скоро мы уже пили вместе пиво, и я рассказывал, что ищу работу за городом – в Лондоне, мол, за мной охотится один человек, за то, что я не пошел в его банду карманников. Рассказывал про лондонскую жизнь, насочинял с три короба всякого такого – как в романах мистера Диккенса. Сейчас-то уже ничего такого нет, но деревенские мальчишки, они же доверчивые. Если бы я назвался Оливером Твистом, он бы и то поверил. – Миссис Эбернейти положила возле его тарелки ножик и вилку – правда, он и внимания на них не обратил, – и поставила чашку, куда он тут же налил чая почти до краев. – Спасибо большое, мэм. – Он сверкнул зубами в улыбке – хитровой улыбке лондонского мальчишки, в которой было ровно пополам наивности и проказливого обаяния.

– Ну-ну! – сказала мисс Эбернейти, натянуто улыбнулась в ответ и сняла с полки банку. Рукав Чарли тут же украсился пятном сливового джема, которым он от души намазал сверху новый бутерброд с маслом. Всыпал в чай побольше сахара, налил молока, сколько поместилось, и шумно отхлебнул.

– Ну вот, он мне и говорит – у них тут кризис, работы нигде нет, только в лечебнице. Его сестра как раз служит там горничной – может, что и подскажет. А можно с ней поговорить, спрашиваю. Он говорит – конечно, можно, и спраши-

вает старшего, нельзя ли ему отлучиться на часок, и тот говорит – ладно, если потом после работы останешься да подметешь тут, ну, мы и пошли в лечебницу вместе, он меня через черный ход провел, с сестрой познакомил – она там стирала. – Тем временем он уже перешел к третьему бутерброду и налил себе вторую чашку чая. – Ну, и она говорит: да, им тут как раз нужен мальчик, и платят хорошо, потому что работа все-таки с умалишенными. Я ей говорю – да мне это нипочем, я умалишенных не боюсь, ну, она мне там все показала и к экономке отвела. Я ее убедил, что я малый честный, даром что с виду не скажешь, напел ей тоже кой-чего из мистера Диккенса, и она говорит – ладно, годишься. Только, мол, вот так сразу она меня не может взять – надо ждать, пока директор вернется, он сам всех проверяет, до последней судомойки. Я тогда и спрашиваю – а где же он и когда вернется, а то мне уже не терпится к работе приступить, а она говорит – его вызвали на встречу с одним человеком из попечительского совета, только к вечернему чаю придет! – Хлеб уже исчез. Чарли с грустью посмотрел на тарелку, а потом на последний кусок хлеба с маслом, лежащий перед Кэтрин.

– Вы уже не хотите?

– Так, значит, Сьюарда несколько часов не будет! И кабинет его стоит пустой...

– Хотел бы я знать, что это за член попечительского совета и что ему нужно, – сказал Джо. – В попечительском совете состоят доктор Рэймонд, лорд Годамлинг и... нет, третье-

го не помню. Доктор Сьюард уже несколько недель никуда не отлучался из лечебницы. Если мы сумеем незаметно пробраться к нему в кабинет, можно будет взглянуть, не найдется ли там каких-нибудь важных документов...

– Вы не пойдете, Джо. – Кэтрин переложила свой бутерброд Чарли на тарелку. – Во-первых, у вас сегодня выходной, значит, если вы там появитесь, все будут удивляться, что вы там делаете, начнутся разговоры. А во-вторых, нельзя сказать, чтобы вы не привлекали внимания. Нет, идти должна я, вот зачем ты это принес, верно, Чарли? – Она показала на синее платье из плотного ситцевого поплина, наверняка весьма практичного и в стирке, и в носке.

– Верно. Через черный ход вам не пройти. Там прислуги полно, они сразу заметят, что вы чужая. А вот через главный, пожалуй, можно. – Чарли допил третью чашку чая и посмотрел, нет ли еще, но чайник был пуст.

У Джо стало такое лицо... такое же, как у Ватсона часто бывало. Как будто он хотел сказать: «Но для леди это слишком опасно...» Так обычно начинались их споры.

– Джо, мне понадобится ваша помощь, – сказала она, прежде чем он успел открыть рот. – Мне нужно, чтобы вы рассказали, как попасть в кабинет Сьюарда.

Он вздохнул и покачал головой.

– Ладно. Сначала вам нужно попасть во двор, но там есть пролом в стене, через который сбежал Ренфилд. Его так и не заделали: стена принадлежит дому Карфэкса, соседнему с

лечебницей, а хозяин его сейчас за границей. Женщины-пациентки в большинстве своем безобидны, они попали туда из-за истерии и попыток ранить самих себя, поэтому им позволяется гулять по лужайке после обеда. Служители за ними не очень-то строго смотрят, не так, как за мужчинами. Вы сумеете проскользнуть внутрь через главный вход. А оттуда – на второй этаж, вторая дверь налево. На двери табличка с именем доктора Сьюарда. Но только, мисс, когда вы окажетесь в лечебнице, кто-нибудь из санитаров может догадаться, что вы не пациентка. И что тогда? Да и дверь в кабинет будет заперта.

– Не знаю, – сказала Кэтрин. – Придется разбираться там, на месте. И с замком тоже. Вы покажете мне этот пролом в стене?

– Ну хорошо, если вы настроены так решительно. Но я беспокоюсь – все-таки для леди это слишком опасно...

– Я же пума, помните? Ты готов, Чарли? – Она встала со свернутым платьем в руках. Спорить об этом с Джо она не собиралась.

– Готов, – сказал Чарли. И куда только в него столько еды поместилось? Как такой мальчишка – кожа, кости да плутовство – может столько съесть?

Кэтрин оглянулась, ища глазами миссис Эбернейти, чтобы поблагодарить ее, но мать Джо уже ушла в другую комнату – должно быть, для того, чтобы дать им спокойно обсудить свои планы. Кэтрин уложила платье в сумку, а брошюры о

воздержании оставила на столе, чтобы место зря не занимали. Может быть, миссис Эбернейти использует их для растопки. Кэтрин понятия не имела, что ждет ее в лечебнице, какие сведения ей удастся добыть в кабинете мистера Сьюарда. Мэри будет бранить ее за это приключение, за то, что пошла на такое опасное дело в одиночку. Но если Прендик что-то затевает, она должна выяснить что. Зачем он встречается со Сьюардом в Лондоне? Собираются ставить новые опыты? Может быть, и Хайд тоже в Лондоне? Если так, может быть, ей удастся навести на его след Холмса и Скотланд-Ярд. Она уже воображала, как они будут восхищаться ее смелостью и находчивостью...

Кэтрин перекинула ремень сумки через плечо, надела шляпу преподобного Крэшоу и приготовилась идти за Джо к пролому в стене у дома Карфэкса. День определенно обещал быть интересным.

Глава III. Ежедневник доктора Сьюарда

Джо выглянул на улицу, чтобы удостовериться, что там никого нет. После этого они все вместе вышли через кухонную дверь, прошли через садик за домом, где уже созрели кабачки и дыни. Джо провел их через калитку в белом заборе из штакетника, которым садик был огорожен от кроликов и оленей. За домом бежала тропинка – с одной стороны садовые заборы, а с другой лес: высокие дубы и ясени. Кэтрин с Чарли зашагали по тропинке вслед за Джо.

Сияло послеполуденное солнце. В кои-то веки Кэт казалось, что в Англии довольно тепло.

– Как тебе нравится за городом, Чарли? – спросила она, отмахиваясь от стайки мошкары, налетевшей из зарослей тысячелистника и бутеня на опушке леса.

– Так же шумно, как и в Лондоне, только по-другому, – хладнокровно отозвался Чарли. – Такая трескотня – я бы тут и не заснул ночью.

– Это птицы и сверчки, – с улыбкой сказала она.

– Ну, по мне уж лучше пусть голуби воркуют и кэбы грохочут по булыжнику. И кэбби ругаются! А вся эта зелень хороша на своем месте. В парке то есть. А, чтоб тебя черти съели! Кусается кто-то!

Джо впереди хмыкнул.

– Да что он понимает? Сам бы в Лондоне и дня не протянул, – проворчал Чарли, но негромко. Ему совсем не хотелось злить человека, у которого ручищи как стволы дерева. Жилой квартал уже остался позади – теперь деревья тянулись по обе стороны тропинки. Они шли в тени зеленых ветвей.

– Сейчас выйдем прямо к дому Карфэкса, – сказал Джо. Все это когда-то принадлежало Карфэксам – и до сих пор называется Карфэксовский лес. Но его продали под вырубку, а компания разорилась. Не знаю даже, чей он теперь.

Через несколько минут они вышли к высокой стене из серого камня, поросшей плющом и лишайником.

– Ворота, по-моему, чуть дальше. Я тут давно уже не бывал. – Они двинулись вдоль стены и вскоре нашли ворота: железные, ржавые, со сломанным замком. Когда Джо потянул их, чтобы открыть, они издали скрежещущий звук. За воротами все выглядело примерно так же, как и с обратной стороны: все те же деревья, хотя, когда они прошли чуть дальше по тропинке, подлесок начал редеть. Видны были следы каких-то насаждений в классическом стиле, кое-где попадались покрытые мхом статуи. Кэтрин догадалась, что когда-то здесь был парк.

– А вот и дом, – сказал Джо. За деревьями виднелось здание, сложенное из того же серого камня, что и забор. Вид у него был одновременно внушительный и дряхлый. Одно крыло, похоже, было выстроено еще в Средние века. Дру-

гое в причудливом готическом стиле семнадцатого века – можно было подумать, что его проектировал сам Хорас Уолпол. Оба крыла примыкали к пристройке – явно гораздо более современной. Дом выглядел совершенно заброшенным: окна, и средневековые, и псевдосредневековые, и современные, были темными и пустыми. Рядом стояла часовня – пожалуй, древнее самого дома, с каменным крестом на крыше.

– Когда последние Карфэкссы умерли, дом продали какому-то знатному иностранцу. Он стал владельцем, и мы все надеялись, что он начнет тут ремонт и для местных жителей появится какая-никакая работа. Но он показался в городке раз-другой, а потом вдруг пропал – говорят, опять к себе за границу уехал, у него там роскошный замок. Должно быть, английское поместье пришлось ему не по вкусу!

Они уже прошли мимо дома, и лес сделался темнее, деревья чаще, подлесок гуще. Свет едва пробивался сквозь ветви, в тени было прохладно.

– Вот, – сказал Джо. – За этой стеной начинается задний двор лечебницы, и камни кое-где вывалились, сами видите. Каменная часть стены принадлежит Карфэксу, а кирпичная – лечебнице. Не знаю, отчего Сьюард не возьмет да сам ее не заделает. Наверняка ведь знатный иностранец не стал бы возражать!

Пролезть через пролом в стене было нетрудно – он был совсем невысоко, неудивительно, что Ренфилду не составило труда сбежать!

– А почему тогда они все отсюда не разбегутся? – спросил Чарли, оценивающе оглядев стену.

– Об этом мало кто знает. А кто знает, те в основном и сами не хотят никуда бежать. В этом мире нет места для душевнобольных. Стена здесь не столько для того, чтобы их удержать, сколько для их же безопасности, – объяснил Джо.

– Ладно, а теперь отвернитесь. – Кэтрин достала из сумки синее платье. Джо и Чарли смотрели на нее в недоумении. – Переодеться мне надо или нет?

– А-а! – сказал Джо, и шея за ушами у него покраснела. Чарли только ухмыльнулся. Кэтрин не так уж и волновало, что ее увидят в нижнем белье, но уж Джо-то непременно засмушался бы. Она быстро скинула с себя мужской костюм и натянула через голову синее платье. Под ним не видно будет, что белье на ней тоже мужское, а не женское. А корсет под такое платье уж точно не нужен! Она подозревала, что стала похожа на синий мешок с картошкой. Зато Беатриче наверняка оценила бы практичность такого наряда.

Беатриче: – Это неправда, Кэтрин! Практичное и комфортное совсем не обязательно должно быть не к лицу и даже не обязательно отставать от моды. А как, по-твоему, женщинам реализовать свои таланты, да хотя бы свои права, в одежде, которая их стесняет? Мы никогда не добьемся равенства с мужчинами, пока затягиваемся в корсеты в ущерб здоровью и наде-

ваем на себя столько слоев ткани, что почти не можем двигаться. Реформа одежды почти так же важна для нас, как право голоса.

Кэтрин вынула из волос шпильки и распустила тугой пучок, скрывавшийся под шляпой преподобного Крэшоу. Растрепала волосы так, что они упали на глаза, словно у кудлатой собачонки, и сказала:

– Ну что, как я выгляжу?

Джо с Чарли повернулись к ней.

– Отлично, мисс, – сказал Джо. – Я и сам мог бы принять вас за пациентку.

– Я вас тут подожду, – сказал Чарли. Кэтрин засунула наряд преподобного Крэшоу в сумку и отдала Чарли вместе со шляпой. Мужские башмаки не видно будет под подолом платья – он длинный, даже по земле немного волочится. А есть тут... Ага, есть! Платье оказалось с карманами, и Кэтрин положила туда три шпильки. Пригодятся. Остальные шпильки тоже отдала Чарли.

– И я подожду, – сказал Джо, скрестив руки на груди и хмуро глядя на Чарли из-под сведенных бровей, словно лондонский мальчишка занял его законное место. В какой-то мере так оно и было: Джо, конечно, молодец, что следит и сообщает им новости, но вот по части разных хитроумных махинаций с Чарли ему не тягаться.

– А вы нет, – сказала Кэтрин, заглядывая в пролом. Там,

со стороны лечебницы, у самой стены, росли декоративные деревья и кусты – видимо, для того, чтобы самой стены не было видно. За этим маленьким островком дикой растительности, сквозь заросли рододендронов, калины и гибискуса, виднелась широкая полоса газона. Сейчас нужно будет прокрасться вдоль стены, как можно дальше скрываясь за кустами. Так она дойдет до кирпичной части стены, принадлежащей лечебнице, – там уже никакого прикрытия нет. Тогда останется только перейти ровно подстриженный газон и смешаться с остальными здешними обитателями.

– На случай, если что-то пойдет не так, если кто-то заметит, что в кабинет доктора Сьюарда пробрались посторонние, я хочу, чтобы у вас было железное алиби. Поэтому вас, Джо, я попрошу вот о чем: отправляйтесь в «Черную собаку» и постарайтесь, чтобы вас там все заметили. И оставайтесь там хотя бы до тех пор, пока не придет время вечернего чая. Сможете?

– Но что, если вам понадобится помощь?

Ох уж эти мужчины! И отчего они всегда воображают, будто одно их присутствие каким-то непостижимым образом способно помочь?

– Сейчас это и есть самая лучшая помощь, какую вы можете мне оказать. Нам нужно, чтобы вы оставались как можно дальше от этого дела. И Мэри хотела бы того же.

Ага! Это сработало: по лицу было видно.

– Ну что ж, если так хотела бы мисс Джекилл... Только

вы уж будьте осторожней, мисс. Потом, когда будете возвращаться, идите по той же тропинке через лес в обратном направлении, и выйдете к воротам дома Карфэкса. Оттуда налево по дороге – насколько я знаю, у нее нет названия. Мы называем ее просто «дорога к Карфэксу». Если увидите гравийный карьер, значит, правильно идете – когда-то это и была дорога к гравийному карьеру. И она выведет вас обратно к Норт-роуд.

– Спасибо, Джо, – сказала Кэтрин. – Я не заблужусь, обещаю.

Как будто она способна заблудиться! Пумы великолепно ориентируются на местности.

Джо с неохотой развернулся и двинулся обратно через лес, тем самым путем, который только что описал, – к воротам дома Карфэкса, по дороге мимо гравийного карьера к Норт-роуд, а потом к центру городка.

Миссис Пул: – Насчет мужчин вы совершенно правы, мисс. У них есть свои достоинства, но в трудной ситуации я бы скорее положились на женщину. Женщины куда менее сентиментальны.

Мэри: – А мистер Холмс?

Миссис Пул: – А, ну да, конечно, от мистера Холмса какая-то польза есть. Но поглядеть только, на что вы, девушки, способны, когда работаете вместе, даром что цапаетесь без конца. Я уверена – когда-ни-

будь вы станете такими же знаменитыми, как мистер Холмс.

Кэтрин: – Если только наши книги будут покупать...

Кэтрин шагнула в провал в стене, в том месте, где каменная кладка доходила ей едва до колена, приподняв подол платья элегантно, как настоящая леди. Коротко махнув на прощание Чарли, она развернулась и стала красться вдоль стены за рододендронами – их широкие зеленые листья служили отличным прикрытием. Там, за газоном, стояла Перфлитская лечебница – кирпичное здание, вполне современное и ничем не примечательное. Отсюда ей видна была дверь черного хода и веревки с бельем, сушившимся на солнце, но из людей никого. Должно быть, вся обслуга в доме. Остается надеяться, что никто не смотрит в окно – во всяком случае, никто из тех, кого станут слушать. На третьем этаже все окна были забраны решетками. За одним из этих зарешеченных окон сидит Ренфилд, сумасшедший, которого подозревали в уайтчепелских убийствах. Кабинет Сьюарда на втором этаже, справа – значит, когда она войдет внутрь, будет слева. Проще было бы не входить, а вскарабкаться по стене, но карабкаться было не по чему – ни труб, ни плюща. Должно быть, все трубы идут внутри, так часто бывает в современных домах. Декоративные кустарники, скрывавшие фундамент, не доставали верхушками даже до окон первого эта-

жа. Нет, придется идти через главный вход и подниматься по лестнице, как делают все нормальные люди. В этом кабинете – ключ к тому, что затевают Прендик со Сьюардом, по крайней мере, Кэтрин надеялась, что это так.

Она уже дошла до конца каменной стены, и заросли деревьев и кустов тоже кончились. Здесь стена под прямым углом переходила в другую, кирпичную – собственность лечебницы. И там, на другой стороне газона, собрались женщины-пациентки, в точности как рассказывал Джо. Некоторые прогуливались – в одиночку или под руку. Некоторые сидели на раскладных садовых стульях в тени здания. Одеты они были все одинаково – так же, как она. А где же санитары? Она пересекла зеленый газон, стараясь делать вид, будто она здесь не чужая и знает, что делает. Теперь ей был виден фасад лечебницы. Да, у входа стояли двое мужчин в белых халатах, один из них курил сигарету. Даже издалека она чувствовала запах дыма. Никто, насколько она могла заметить, не смотрел в ее сторону.

Две ближайšie к ней женщины стояли рядом, одна из них все время толкала другую локтем и преувеличенно бурно жестикулировала. Когда Кэтрин приблизилась к ним, та, что жестикулировала, повернулась к ней и сказала:

– А, добрый день, дорогая. Вы, должно быть, заблудились?

Голос у нее был хорошо поставленный, а сама она чем-то напоминала добрую бабушку из сказки. Ее белые волосы были уложены в небрежный пучок на затылке. Она была

невысокая – ростом с Диану, с тонкими сухими запястьями и изящными руками. Глаза у нее были синие, под цвет больших платьев. Пожалуй, она была единственной, кого это платье хотя бы не уродовало.

– Да, немножко. Я тут недавно, – ответила Кэтрин.

– О, вы скоро привыкнете к здешнему распорядку. Можете звать меня Лавинией, хотя от санитаров я требую, чтобы они называли меня леди Холлингстон. Несносные наглецы! Я не потерплю от них неуважительного обращения.

А это Флоренс – не знаю, как по фамилии: она еще не сказала ни словечка с того дня, как меня сюда привезли. Это ведь не физическая немота, верно, Флоренс? Доктор Сьюард говорит, что это истерический мутизм, он чаще всего встречается у молодых женщин в брачном возрасте. Она вдруг перестала говорить в шестнадцать лет, хотя превосходно владеет спенсерианской каллиграфией. И с тех пор она здесь.

Флоренс кивнула. Это была полная молодая женщина с круглым лицом, застенчивой улыбкой и печальными глазами.

– Очень рада с вами познакомиться, ваша милость, и с вами, мисс Флоренс, – проговорила Кэтрин и слегка присела в реверансе.

– О, прошу вас – просто Лавиния. У нас здесь церемонии не приняты, – сказала леди Холлингстон. – Позвольте вас спросить, почему вы здесь оказались?

– Видите ли, я никак не могу перестать резать себя, – ска-

зала Кэтрин, поднимая рукав. На смуглой коже были видны бледные следы шрамов, оставшихся от операции доктора Моро. – И, если мне будет позволено задать такой щекотливый вопрос...

– О, не стесняйтесь. – Леди Холлингстон улыбнулась мягкой, доброй улыбкой. В уголках синих глаз показались морщинки. – Видите ли, я убила своего мужа. Но, принимая во внимание мой возраст и положение, меня не отправили в Бродмур. Доктор Сьюард не считает меня опасной, а потому не держит взаперти, и я могу ходить где хочу. У него здесь такое прогрессивное учреждение, по последнему слову науки! Я считаю, мне посчастливилось здесь оказаться, хотя содержание обходится дорого. Однако мой сын платит без возражений.

– Выходит, за пациентов платят их родные? – удивленно переспросила Кэтрин.

– О да, это ведь весьма привилегированный сумасшедший дом, как изволите видеть... Вы, кажется, не назвали свое имя? Иначе пациентам пришлось бы отправиться в благотворительные учреждения. Большинство состоятельных людей не хотело бы такого для своих родных, даже если они сошли с ума.

– Да, понимаю. Меня зовут Кэтрин Крэшоу, ваша ми... Лавиния.

Флоренс положила руку на горло и мимикой дала понять, что сожалеет о своей неспособности принять участие в раз-

говоре. С виду она была милой девушкой, хотя про себя Кэтрин подумала – может, она тоже кого-нибудь убила?

Мэри: – Истерический мутизм – чаще всего следствие травмы, например, насилия того или иного рода. Я узнала об этом в Вене, когда мы обсуждали симптомы душевных болезней, перед тем как Диана...

Кэтрин: – Не забегай вперед, пожалуйста, ладно? Не стоит портить читателям удовольствие. Еще успеешь порассуждать о симптомах душевных болезней, когда я доберусь до Вены. То есть когда ты доберешься до Вены – по сюжету книги.

Мэри: – Ну, как бы то ни было, я сомневаюсь, что Флоренс кого-то убила. Гораздо вероятнее, что это с ней кто-то сделал что-то... очень нехорошее.

– А вы, случайно, не родственница девонширским Крэшоу? – спросила леди Холлингстон.

Кэтрин думала о том, как же эта леди Холлингстон убила своего мужа. На вид она казалась хрупкой, как фарфоровая куколка.

– Да, полагаю, родственница... дальняя... Знаете, мне, кажется, вот-вот станет дурно.

– Это все из-за жары. Вам бы лучше всего пойти и попросить стакан воды с ломтиком лимона. Они тут весьма любезны, пока мы не нарушаем правила. Только не забудьте ска-

зять, чтобы положили лимон. Лимон – это очень важно.

Леди Холлингстон погладила ее по плечу.

Флоренс кивнула. Как мило, что они так беспокоятся за нее! К тому же это был подходящий предлог для того, чтобы уйти в дом. Кэтрин снова сделала реверанс и двинулась к лечебнице, лавируя среди прогуливающихся пациенток и гадая про себя, чем же так важен лимон. Пациентки по большей части кивали ей, за исключением одной молодой женщины: та теребила собственные волосы и что-то бормотала сама с собой.

У главных дверей, которые были открыты – должно быть, из-за непривычной жары, – один из санитаров, тот, что не курил, спросил:

– И куда же это вы собрались?

Кэтрин дернула себя за волосы, как та сумасшедшая во дворе, растрепав их так, чтобы они закрыли лицо и его как можно труднее было разглядеть.

– Мне стало нехорошо, и леди Холлингстон посоветовала, чтобы я пошла и попросила стакан воды. С ломтиком лимона – так она сказала.

Она старалась, чтобы ее голос звучал как можно более жалобно и невнятно.

– Ах, вот как! – Санитар подмигнул ей, а его товарищ хмыкнул и закашлялся. – Ну, если ее милость так сказала, делать нечего, идите. Лорд Холлингстон платит бешеные деньги за то, чтобы здесь исполнялись все ее прихоти! Ума

не приложу, зачем ему это нужно – как-никак, она убила его папашу. Ну давайте, только быстро.

Кэтрин кивнула, торопливо поднялась на крыльцо и вошла в здание лечебницы.

Лечебница была в точности такой, как описывала Мэри: огромный вестибюль со скамейками вдоль стен и стульями, расставленными в разных местах, – все твердое, деревянное. Стены выбелены, как в больнице. Вглубь здания уходил длинный коридор: из рассказа Джо она знала, что там находится общая столовая, кухня и комнаты обслуги. Откуда-то издалека пахло чем-то съестным – баранина с клецками, решила Кэтрин, хотя этот запах едва пробивался сквозь другой, видимо, не выветривающийся никогда, – запах капусты. С одной стороны коридора уходила наверх лестница. На втором этаже расположены кабинеты и палаты для тех пациентов, что признаны неопасными. На третьем – для пациентов, представляющих опасность для других или для себя.

К счастью, в вестибюле было пусто, хотя слух Кэтрин уловил то, чего обычный человек не расслышал бы: приближающееся шелканье каблучков в коридоре. По легкому запаху лекарств она определила, что это шаги санитарки. Лекарства и капуста – вот чем пахнет в этой лечебнице. На третьем этаже стонал и рыдал какой-то пациент. Но в остальном в здании было тихо.

Стараясь ступать как можно легче, Кэтрин взбежала наверх по лестнице. Может быть, снять башмаки? Нет, ведь

спрятать их тут негде. Придется просто постараться не топтать.

На второй двери слева висела табличка, не оставляющая места для сомнений:

«Джон Сьюард, доктор медицины, директор».

Пора было переходить к той части плана, по поводу которой Кэтрин больше всего тревожилась. Она вытащила из кармана одну шпильку. Выдержит, не погнется? Надо надеяться. Кэтрин развела две половинки в стороны, так, что они вытянулись почти в прямую линию, а потом согнула одну из них зубчиками, как показывала Диана. Один зубчик должен приподнять штифт, а другой подтолкнуть язычок. Она вставила шпильку в замок. Так... штифт приподнялся. Она повернула шпильку – с силой, но осторожно. И услышала, как щелкнул язычок. Она повернула ручку и... оказалась в кабинете. Тихо, со вздохом облегчения, она закрыла за собой дверь и вновь заперла ее при помощи той же шпильки.

В кабинете Сьюарда царил строгий порядок: аккуратные ряды книг на полках, шкафчик для документов в углу, большой письменный стол с пресс-папье и письменным прибором. На столе, рядом с пресс-папье, лежала одна-единственная книжка в кожаном переплете. В углу стола стоял фонограф с восковым валиком, приготовленный для записи. Хорошо: значит, то, что она ищет, тоже должно быть где-то аккуратно записано. И плохо: Кэтрин не знала где.

Книжные полки не дали никакой подсказки. Все книги

были толстые, все в кожаных переплетах, с позолотой на корешках – очевидно, медицинские труды. Были тут и полки с журналами в бумажных обложках, но Кэтрин, едва взглянув на них, поняла, что они ей тоже ничем не помогут. На обложках стояли названия вроде: «Журнал Антропологического института Великобритании и Ирландии». Нет, полки не говорили ни о чем, кроме того, что Сьюард – солидный человек, директор медицинского учреждения и старается быть в курсе новейших исследований в своей области. Кэтрин порадовалась тому, что окна открыты, иначе в комнате было бы нестерпимо жарко от солнца, даже для нее. Она и не думала, что в Англии бывает так тепло.

Так, а письменный стол? Да! На кожаной обложке книжки стояла надпись: «Ежедневник». Кэтрин раскрыла ее на странице, заложенной ленточкой. На этой неделе, с воскресенья по субботу, значилась сегодняшняя встреча, уже зачеркнутая – очевидно, второпях. А на полях, тоже торопливо, судя по брызгам чернил, было написано: «Явиться по вызову». Доктор Сьюард был не похож на человека, который сажает кляксы при письме – разве что в момент раздражения или душевного смятения. Она перелистнула страницу на прошлую неделю. Там, в графе «Пятница», «13:00–14:00», было записано, на этот раз аккуратным почерком: «Встреча с Э. П.» Значит, он действительно записывает в ежедневник не только деловую информацию, но и личную. Нужно листать дальше. Дальше, насколько она могла понять, шли за-

писи, касающиеся больничных дел, в том числе упоминалась встреча с лордом Холлингстоном. Погодите-ка... А это что? Через неделю, в 17:00: «Встреча с Э. П. Сохо, Поттерс-лейн, 7». Это, должно быть, та самая встреча, о которой они спорили с Эдвардом Прендиком. Записать адрес было не на чем, а брать что-то из кабинета не хотелось – придется просто запомнить. Она полистала дальше... опять больничные дела. До последней недели сентября, после которой шли уже чистые листы. На этой странице было написано только: «S.A., Будапешт». Дальше ничего не было – страницы за сентябрь, октябрь и ноябрь были еще не заполнены.

«S.A., Будапешт» наверняка означает собрание Общества алхимиков в Будапеште. Но с какой целью? Научная конференция, посвященная последним открытиям? Так ведь, кажется, принято у ученых? Ван Хельсинг упоминал о том, что представил материалы на конференцию. Это может занять около недели. Но все это только догадки, а на самом деле там, может быть, что-нибудь совсем другое... Может быть, в столе удастся найти еще какую-нибудь информацию, или, еще лучше, переписку с Ван Хельсингом. В нем был один ящик по центру и еще по три с каждой стороны. Центральный ящик оказался заперт. Кэтрин просмотрела те, что справа: почтовая бумага, с названием лечебницы по верхнему краю и обычная; еще одна ручка и два пузырька чернил; папки, а в них, похоже, разрозненные записи об отдельных пациентах, еще не рассортированные. Слева обнаружилась

бутылка бурбона и два стакана, три накрахмаленных воротничка и пара каучуковых чехлов для обуви – вероятно, на случай дождя.

А шкафчик для документов? Кэтрин подошла к нему и выдвинула ящики. Там лежали только истории болезни пациентов. Она полистала наугад, чтобы удостовериться, что это действительно они, но не обнаружила ничего таинственного. Стоп, чуть не забыла... Как минимум в одной истории болезни должно быть кое-что еще, помимо медицинских записей. Она быстро перебрала папки на букву Р. Нашла ту, на которой было написано: «Ренфилд, Ричард Мэтью». Она оказалась совершенно пуста. Кто-то – вероятно, сам Сьюард – вынул из нее все записи. Где же они теперь? Кэтрин вернулась к письменному столу и быстро перебрала папки с заметками о пациентах – там не было ничего, что имело бы отношение к Ренфилду. Оставался только запертый ящик – если что-то секретное и найдется, то именно там. Она усеялась в кресло Сьюарда на четырех колесиках и стала внимательно разглядывать замок. В первый раз она пожалела, что не взяла с собой Диану.

Диана: – Вот видите? Никогда меня никуда не берете, а потом сами жалеете. Я бы тебе тот замок за минуту открыла. Даже меньше, чем за минуту.

Замок был похож на дверной, только поменьше, но... язы-

чок у него был направлен вверх, в сторону крышки. Значит, приподнять штифт не выйдет, а что же делать? Повернуть его вправо или влево? Если тут вообще есть штифт...

Она просто не знала, что делать. Но из ежедневника Сьюарда можно понять, что его не будет до вечера, и пока еще ее никто не обнаружил, а значит, стоит хотя бы попытаться.

Она достала из кармана согнутую шпильку, вставила в замок и попыталась нащупать подвижные части. Да, штифт есть. Если только...

Она услышала щелчок открывающегося замка. И это не был замок письменного стола.

– Черт возьми! Что вы делаете в моем кабинете?

В дверях кабинета стоял мужчина в мешковатом сером костюме, со шляпой-котелком в руке и с негодующим видом.

С кошачьей грацией, как она предпочитала думать, а на самом деле просто в панике, Кэтрин вскочила, оттолкнула кресло – так, что оно откатилось назад и врезалось в книжный шкаф, – а затем метнулась в сторону и выпрыгнула в окно.

Кэтрин: – Это и была самая настоящая паника, а что касается грации, все было бы лучше, если бы не это дурацкое платье. Я чуть не запуталась в этом подоле.

Мэри: – Ты перебиваешь свой собственный рассказ?

Кэтрин: – Я хочу быть честной. Момент был не из тех, которыми хочется гордиться. Я ведь даже не слышала, как он шел по коридору – здоровенный мужчина, представляешь, как он топал? Я ведь все-таки кошка, если помнишь.

Считается, что кошки всегда падают на лапы. Но Кэтрин, к несчастью, упала на спину – в заросли азалий, растущих у стены. Уже через несколько секунд она пришла в себя. Со всей быстротой, на какую была способна, она стянула через голову платье и бросила под куст. Они будут ловить женщину в синем. Ее кальсоны и нижняя рубашка – не лучшая маскировка в зеленой траве, но хоть не синие, и то хорошо.

Она услышала крик Сьюарда наверху, а потом – еще крики, в коридорах лечебницы. Но видеть ее с этой стороны здания никто не мог, во всяком случае пока. Со всех ног она бросилась по траве за угол, к задней стене дома – там тоже никого не было, только белье все еще трепыхалось на веревках. Очень скоро все догадаются, где ее искать! Но вот наконец она добежала до зарослей у каменной стены. Тяжело дыша, припала к земле за кустами и оглянулась назад. Двое санитаров, с которыми она говорила раньше, как раз вышли из-за угла дома, и еще один мужчина – не в белом халате, а в одной рубашке и почему-то с метлой в руках, – выбежал из двери черного хода. Это, должно быть, кто-то из obsługi? Значит, в лечебнице уже подняли тревогу.

По возможности бесшумно Кэтрин пробралась через кусты к пролому в стене.

Перед тем как перешагнуть через каменную кладку, она еще раз оглянулась. Высокий рододендрон загораживал обзор, и невозможно было разглядеть, что происходит на лужайке. Но голоса пока что не приближались – только беспорядочные крики слышались то тут, то там.

– Вы, кажется, что-то потеряли, мисс, – проговорил Чарли. Ухмыльнулся с таким видом, словно никак не мог удержаться, и протянул ей сумку с одеждой преподобного Крэшоу.

– Ладно, ладно. Да, я идиотка, Чарли. – Она стала топорливо переодеваться обратно в поборника трезвости. – Доктор Сьюард вернулся раньше времени и увидел меня. Я должна была услышать, как он идет по коридору. Я должна была учуять его за дверью. Что толку от сверхчеловеческих способностей, если ими не пользуешься? На них нужно было полагаться, а не на записи в ежедневнике, тогда бы он не застал меня врасплох. Никогда не жди от человека, что он поступит так, как обещал.

– А я и не жду, мисс.

Ну вот, на ней снова наряд преподобного Крэшоу. Она снова собрала волосы в узел, заколола оставшимися шпильками и надела шляпу. Узел получился уже не такой тугой, как раньше, но что поделаешь.

– В Перфлите нам больше делать нечего. Думаю, нужно

первым же поездом возвращаться в Лондон. Ну и чепуха вышла... хотя кое-что важное я все-таки узнала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.